

„Удалые молодцы — добрые борцы“.

Борьба и кулачные бои были одним из главных увеселений наших предков. На первой из воспроизводимых нами старинных народных картин изображены два борца, ведущих борьбу «не в схватку», при которой противники берут друг друга за плечи или за ворот и стараются повалить соперника на сторону, ударить о свое бедро и, подкинув, бросить на землю.

На второй и третьей картин представлено разодетые карды время Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Яркую иллюстрацией к заявлению великого князя Владимира: «Руси веселіе есть пити, не можетъ безъ того быти!» — слу-

Праздничныя увеселенія в старой Руси.

„Карлица и карлик“.

жить четвертая картинка — разговор шута Фарноса-красного носа и его жены Пигаси с цѣловальником Ермаком. Пьяницы пришли попытать, не даст ли им у Еркака на шеремжку опохмѣлинья. Но у казеннаго Ермака написано на вывѣскѣ: «сегодня на деньги, а завтра — въ долг».

На картинкѣ изъ шлезвингскаго изданія Оларія 1656 года представлена русская «кукольная комедія»: мужикъ, подвизавъ къ поясу женскую юбку съ обручемъ въ подолъ, поднялъ ее къ верху; — юбка эта закрываетъ его выше головы, и онъ можетъ свободно двигать руками, выставлять куколъ и разыгрывать цѣлыя комедіи; справа сидитъ гусларь, събѣв паясничающій передъ народомъ паренъ, а вдаль вожакъ заставляетъ плясать медвѣдя. На переносной юбочной сценѣ можно

„Разговор шута Фарноса и его жены Пигаси съ цѣловальникомъ Ермаком“.

различить дошедшую до нашего времени забавную комедію о томъ, какъ цыганъ продалъ Петрушкѣ лошадь.

Последняя картинка: «Медвѣдь съ козю прохладяются». Мальчикъ, сопровождающій вожакъ съ медвѣдемъ, играетъ роль козы, т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который проткнута палка съ козлиной головой и рожками. Къ головѣ этой приделаны деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго проносятся страшный шумъ. Вожакъ дергаетъ медвѣдя за кольцо, а коза выпячиваетъ вокругъ звѣря трепака, долбитъ его деревяннымъ языкомъ и дразнитъ; медвѣдь рычитъ и кружится на заднихъ лапахъ, это значитъ: онъ танцуетъ.

„Кукольная комедія“ (Изъ путешествія Оларія въ Москву 1656 г.).

„Медвѣдь съ козю“.

Наиболье интересный
 Наиболье полный
 Наиболье живой
 Наиболье оригинальный
 Наиболье дешевой

иллюстрированный
 еженедельный
 литературно-художественный
 ЖУРНАЛЪ

Огонекъ

2 руб. **50** коп. **вЪ** годъ,

1 руб. 25 коп. на 6 мѣсяцевъ; 65 коп. на 3 мѣсяца.
 (съ доставкой въ Петербургъ и пересылк. въ Россіи).

Художественный отдѣлъ

журнала „ОГОНЕКЪ“ явится и въ 1909 г. иллюстраціонной лѣтописью года.

**ВСЯКОЕ ВЫДАЮЩЕЕСЯ СОБЫТІЕ
 ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЮ**

въ области политической, общественной, художественной, литературной, научной, военной найдетъ себѣ быстрое отраженіе въ фотографіяхъ и рисункахъ художниковъ и корреспондентовъ „ОГОНЬКА“. Начиная съ первыхъ январскихъ номеровъ въ „ОГОНЬКЪ“ нашими художниками и фотографами будутъ запечатлѣны всѣ

ЗЛОБЫ ПЕТЕРБУРГСКАГО ДНЯ:

портреты „героевъ дня“, торжества, происшествія, выставки художественныя и промышленныя, студиі крупныхъ мастеровъ, начинанія въ области столичнаго хозяйства, корпоративныя и профессиональныя учрежденія, театральныя постановки, столичные типы и курьезы, всѣ виды спорта и пр.

**Выдающіяся произведенія
 русскихъ и иностранныхъ писателей.**

занимательныя по фабулѣ и художественныя по выполненію, составить въ 1909 г. литературный отдѣлъ „ОГОНЬКА“.

Главная Контора изданій С. М. ПРОППЕРА:
 С.-Петербургъ, Галерная ул., собств. дошъ, № 40.

Подписка также принимается и въ Невскомъ Отдѣленіи „Биржевыхъ
 Вѣдомостей“: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 50.

**„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“
 ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ**
 единственная газета въ Россіи, доставляемая подписчикамъ
ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ,
УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ,

а именно: **утренній выпускъ** (какъ и всѣ остальные столичныя газеты городскимъ подписчикамъ съ 7 час. утра, а иногороднимъ—съ первыми отходящими изъ С.-Петербурга поѣздами; **вечерній же выпускъ** (однѣ только „Биржевыя Вѣдомости“) городскимъ подписчикамъ—съ 4 час. пополудни, а иногороднимъ—съ вечерними скорыми поѣздами жел. дорогъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ доставки „Биржев. Вѣдом.“ не только городскіе, но и провинціальныя подписчики „Биржевыхъ Вѣдомостей“ получаютъ большинство газетныхъ извѣстій на сутки ранѣе, чѣмъ онѣ доступны подписчикамъ газетъ, выпускающихъ свои листы только однѣмъ разъ въ день.

Въ нынѣшнее время непрерывныхъ политическихъ тревоженій такое преимущество подписчиковъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“—Первое Изданіе—имѣетъ серьезное значеніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою въ Россіи
два раза въ день—утромъ и вечеромъ:

На годъ 10 руб. || На 3 мѣсяца . . . 2 р. 50 к.
 На ½ года 5 „ || На 1 мѣсяць 85 „

Главная контора и редакция: С.-Петербургъ, Галерная ул. а. собственный домъ, № 40.
 ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ:—Невскій 50, (уг. Садовой).

1 НА ГОДЪ съ пересылкой. 1 НА ГОДЪ съ пересылкой.

„Здравіе Семьи“
 популярно-медицинскій
 ежемѣсячный журналъ,
 издаваемый С. М. Пропперомъ,
 подъ редакц. д-ра мед. Е. Г. Ландсберга
 и при участіи извѣстныхъ специали-
 стовъ медицинской науки.

1 РУБ. 1 РУБ.

Въ журналъ „Здравіе Семьи“ помѣщаются статьи по вопросамъ практической медицины, общей и личной гигиены, о новѣйшихъ лѣчебныхъ средствахъ и способахъ лѣченія, практическіе совѣты на случай внезапнаго заболѣванія и указаніе мѣръ, которыми слѣдуетъ пользоваться до прибытія врача, подробныя отвѣты на вопросы читателей.

Въ 1909 году всѣ годовыя подписчики получатъ бесплатно
ТРИ МЕДИЦИНСКИХЪ КНИГИ:

- 1) Болѣзни сердца — проф. Эйхгорста (96 стр.);
- 2) Болѣзни желудка и кишечника — проф. Эвальда (96 стр.);
- 3) Болѣзни печени и почекъ — проф. Эвальда (48 стр.).

Подписная цѣна на журналъ „Здравіе Семьи“ со всѣми приложеніями **одинъ рубль въ годъ** съ перес. въ Россіи.

Главная Контора изданій С. М. Проппера: СПб., Галерная ул., с. д., 40.
 Подписка также принимается въ Невскомъ отдѣленіи газеты „Биржевыя Вѣдомости“, Невскій пр., д. 50.

Изрѣченія А. П. Чехова.

Характерныя выраженія.

Животное то же, что и человѣкъ. Человѣкъ отъ битвы умнѣе бываетъ, такъ и тварь.
 («Въ Москвѣ на Трубнои площади».)

Человѣкъ, который поетъ, долженъ себя поддерживать, потому что плотка у него того... ибжная.
 (О. Кузьма—«Пѣвчіе».)

Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требующая иного ко своему исполненію.
 (О. Христофоръ—«Степь».)

На огородъ по ночамъ бабы не за капустой ходятъ—всѣмъ извѣстно.
 (Савка—«Агафья».)

Соотвѣтствіе жизни по амбиціи личности.
 (Початкинъ—«Три года».)

Вѣдь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотрѣть за ней, все вамъ попортитъ въ одинъ день. Свинья и есть свинья, и подаркомъ ее свиньей прозвали...
 (Жмухъ—«Пече-льгъ».)

Отрицать больницы и школы легче, чѣмъ лѣчить и учить.
 (Лидя Волчанинова—«Домъ съ мезониномъ».)

Это, матушка моя, исконокъ вѣку такъ ведется, традиціей освящено. На то онъ и пожарный, чтобъ къ кухаркамъ ходить.
 («Въ потемкахъ».)

Географія—наука почталіоновъ.
 («Экзамень на чинъ».)

При всеобщей повинной... военной всеобщности всѣхъ уравнивал...
 (Писарь Филеньковъ—«Ворона».)

Философствовать можетъ только образованный человѣкъ, который курсъ кончилъ, а ежели ты дуракъ, невысокаго ума, то ты сяди себѣ въ уголку и молчи...
 («Изъ огня да въ полямя».)

Я, говорить, сынъ своего отечества и слава пофилъ своей родины.
 («Изъ огня да въ полямя».)

Надо судить умѣючи, не зря... Хоть и высѣки, но чтобъ за дѣло, да по совѣсти.
 («Злоумышленникъ».)

Кто пьетъ изъ ведра, а кто изъ лампадки.
 (Старикъ—«Степь».)

Нынче нельзя вѣрить даже тому, кто на водку проситъ.
 (Фроловъ—«Пьяные».)

Навознаго жука не затащишь на розу.
 (Мусатовъ—«Отець».)

Яблокъ не надо беспокоиться, чтобы на ней яблоки росли—сами вырастутъ.
 (Ив. Ивановичъ—«Жена».)

Есть муха, которая кладетъ личинку на спину паука такимъ образомъ, что тотъ никакъ не можетъ сбросить ея; личинка прирастаетъ къ пауку и пьетъ изъ его сердца кровь.
 (Власичъ—«Сосѣди».)

Тля ѣстъ траву, ржа желѣзо, а джа—душу.
 (Рѣдка—«Моя жизнь».)

Вы подумайте: что такое слезы человѣческія? Малодушная психіатрія и больше ничего!
 (Ялъ—«Свадьба».)

Нечего бояться промочить ноги, когда угр жаетъ потопъ.
 (Фонъ-Корень—«Дуэль».)

Хоть и не вѣришь, но оно какъ то покойнѣе, когда помодишься.
 (Мих. Аверьяновичъ—«Палата № 6».)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой
въ Россіи:

На годъ 2 рубля. | На 3 мѣсяца . . . 55 коп.
На полгода . . . 1 рубль. | На 1 мѣсяць . . . 20 коп.

Отдѣльные номера: въ С.-Петербургѣ 5 коп.
въ провинціи 7 коп.

Главная Контора и Редація:
С.-Петербургъ, Галерная, 40.

Въ прѣдвѣстіи бѣдъ
Душки гадали,
за ворота баиниаски
Сныга снопирросаш,
Сныга посли: подоконикъ
Слушай: корми ли
Ветрѣмъ курицу зерномъ,
Лови вѣскъ топилъ.
Въ чашу сълистою водоръ,
Лялаи перстень золотой,
Сери и адурауны,
Ризтила и бѣлый мѣлъ,
Мѣлъ лѣсий стѣи бѣла,
Пѣсень голубины.

ХОЗЯИНЪ.

Разсказъ

Максима Бѣлинскаго.

I.

абы цѣлыми ведрами носили веренный картофель и ставили на длинный столъ, за которымъ сидѣло около пятидесяти человекъ рабочихъ. Хлѣбъ былъ нарѣзанъ грусами.

Крупной сѣрой солью были насыпаны деревянные чашки, и для питья поставлены жбаны съ квасомъ.

Въ низенькой людской, съ черными стѣнами и закопченнымъ потолкомъ, было душно отъ испареній.

Со двора доносился отчаянный визгъ поросятъ, громко хрюкали взрослые свиньи и кабаны.

Рабочіе все входили и, наконецъ, заняты были всѣ мѣста.

Тогда пришелъ самъ хозяинъ, толстый сорокалѣтній помѣщикъ новой формации — изъ крестьянъ.

На немъ былъ длинный сѣрый пиджакъ, узкій въ плечахъ и широкий въ бедрахъ — по комплекции помѣщика — Алексѣя Елизарыча Урываева.

«Гладко выстриженный темный затылокъ его былъ изборожденъ жирными поперечными морщинами. Лобъ былъ маленький, изъ-подъ котораго смотрѣли коричневые глазки, отбѣненные свѣтлыми рѣсницами, и большіе желтые зубы выставлялись изъ-подъ короткой верхней губы.

— Здорово, ребята, — сказалъ онъ.

— Алексѣю Елизарычу!

Помѣщикъ сѣлъ въ красномъ углу — въ концѣ стола. Онъ ѣлъ всегда вмѣстѣ съ рабочими, чтобъ не было ропота.

Бѣглымъ взглядомъ окинулъ онъ столъ.

— А Данилка нѣтъ? — спросилъ онъ. — Гдѣ Данилка?

Со всѣхъ сторонъ потянулись руки къ горячему картофелю, и раздался смѣхъ.

— Данилка, должно быть, звонка не слышалъ.

— Безъ обѣда останется, — нахмурились, произнесъ Алексѣй Елизарычъ.

— Онъ Божій человекъ.

— Мавра, слышишь, — обратился помѣщикъ къ кухаркѣ: — Данилкѣ не давать никакой ѣды, а ежели захочетъ, пусть со свиньями ѣсть.

Слова хозяина были встрѣчены такимъ дружнымъ смѣхомъ, что окна людской задрожали, а въ сосѣднемъ хлѣву страшно захрюкали свиньи.

Данилка былъ тощій парень лѣтъ двадцати пяти съ добрыми большими глазами. Единственный сынъ матери, десять лѣтъ тому назадъ онъ взятъ былъ въ винопасы въ имѣніе и мало-по-малу совсѣмъ отсталъ отъ людского общества. Лѣтомъ все время проводилъ онъ въ полѣ, лежалъ на спи-нѣ и смотрѣлъ на небо. Свиньи до того привыкли къ нему, что обнюхивали его, какъ собаки, и ластились къ нему. Зимой онъ уходилъ изъ свинюшника, только чтобъ по-смотреть на тучи, на облака, на закатъ и на восходъ солнца. По цѣлымъ днямъ онъ что-то напѣвывалъ, но нельзя было разобрать что — то были пѣсни безъ словъ. Что-то унылое, тягучее, похожее на комариное

нытье. Жалованья онъ самъ не получалъ, а приходила его мать и брала, что причитается сыну. Онъ ни разу не спорилъ со старухой, которая часто забывала о немъ, и даже въ морозы иногда онъ ходилъ босикомъ, если хозяинъ не дарилъ ему своихъ старыхъ резиновыхъ галошъ. Данилка ни на что не жаловался и, когда съ нимъ заговаривали, широко улыбался, потуплялъ глаза и застѣнчиво отмалчивался.

Алексѣй Елизарычъ цѣнилъ Данилку. Онъ зналъ, что Данилка одинъ стоитъ пятерыхъ пастуховъ, но съ нѣкоторыхъ поръ, уступая общему мнѣнію своихъ рабочихъ, сталъ надъ нимъ подтрунивать, издѣваться и даже гнать его.

— Смотри-жъ, Мавра, я тебѣ сказалъ. Пушай его со свиньями ѣсть, если не хочеть съ нами, — повторилъ Алексѣй Елизарычъ, доставая изъ ведра рассыпчатый, дымящійся картофель и поливая его масломъ.

И опять засмѣялись рабочіе и захрюкали свиньи.

II.

А Данилка въ это время стоялъ у плетня. Закинулъ ногу, чтобъ передѣзть, да такъ и застылъ. Голова его была запрокинута, ротъ раскрытъ отъ изумленія и восторга, глаза съ блаженнымъ ужасомъ воззрились въ облака, которыя заслонили собою солнце.

Серебряныя подъ черную тучи неслись навстрѣчу одна другой, точно два чудовища. Какъ облака заслонили собою солнце, такъ темныя тучи постоянно заслоняли облака. Но вдругъ какая-то побѣдоносная сила двинула облака впередъ. Они разорвали тучи — и Данилкѣ показалось, что на небесахъ развернулся зеленый лужокъ и по немъ бѣгутъ стада серебряныхъ свинокъ, которыхъ пахутъ пастухи съ огненными крыльями.

Обѣдъ кончился. Помѣщикъ вышелъ изъ людской, приставилъ руку къ глазамъ и по-смотрѣлъ на горизонтъ.

— Ишь, — сказалъ онъ, не поднимая высоко головы, такъ какъ жиръ не позволялъ ему повернуть шею. — Будеть дождь. Сентябрь на исходѣ, а грозой пахнетъ. Что, всѣ-ли свиньи въ хлѣву... Гдѣ Данилка?

— Данилка вонъ на плетнѣ сидитъ, — сказалъ старый рабочий, выходя съ трубкой въ зубахъ и помышляя о часовомъ отдыхѣ гдѣнибудь на сѣновалѣ.

— Гдѣ?

— Вона, воронъ ловить.

— Чѣмъ ловить?

— Чѣмъ — ротомъ.

Хозяинъ улыбнулся, закурилъ пятикопечную сигару, дружески взявъ огонька у рабочего и пошелъ къ Данилкѣ.

— Ты, однако, что же изъ себя строишь? — обратился онъ къ нему, внезапно рассердившись при видѣ его дурацкаго лица.

Данилка вздрогнулъ. Но небесное видѣніе, которое онъ созерцалъ, такъ занимало его, что онъ не оторвалъ глазъ отъ облаковъ и продолжалъ сидѣть съ закинутой головой. У помѣщика въ рукѣ была тяжелая камышевая трость. Онъ ударилъ ею Данилку въ ту самую минуту, когда небесныя пастухи стали размахивать огненными крыльями и загонять серебряныхъ свинокъ въ лазурный хлѣвъ.

Данилка вскрикнулъ и упалъ съ плетня, но, увидѣвъ хозяина, всталъ и началъ улыбаться.

— Я тебя спрашиваю, ты зачѣмъ дурака изъ себя строишь? — началъ Алексѣй Елизарычъ. — Всѣ ѣдятъ, а ты не идешь... Мнѣ нужно, чтобы рабочий ѣлъ — потому что я съ него работу спрашиваю, — но, чтобы онъ ѣлъ во-время. Что-жъ, мнѣ бить тебя? Палку обломать? Да стойшь-ли ты такой расправы? Что мнѣ сдѣлать съ тобой? Штрафовать тебя, что-ли? И штрафовать буду. Рублемъ штрафую тебя, слышь. Рубль тебѣ запишу.

Данилка покраснѣлъ, потупилъ глаза и лѣвой босой ногой старался достать до колѣнки правой. Застѣнчивость его дошла до высшаго напряженія. Губы его что-то бормотали. Сквозь прорванную рубаху вилилось его бѣлое плечо со вздувшейся на немъ багровой полосой.

Помѣщику стало совѣстно.

«Экъ я его хватилъ, — подумалъ онъ. А онъ хоть бы слово».

Своею кротостью Данилка всегда побѣждалъ строптивость Алексѣя Елизарыча, хотя, правда, что безотвѣтностъ его нерѣдко и побуждала помѣщика къ строгому съ нимъ обращенію, иногда совершенно без-причинному.

— Ты слышишь? Что я тебѣ — русскимъ языкомъ говорю?

— Слышчу, — чуть пролепеталъ Данилка.

— Какихъ ты воронъ ловилъ, отвѣть-ка мнѣ.

Данилка обрадовался и показалъ рукою на облака, быстро поднявъ голову.

— Тамъ, — сказалъ онъ.

— Что тамъ? — спросилъ помѣщикъ и никакъ не могъ поднять головы, чтобы видѣть облака, на которыя указывалъ ему Данилка.

— Пастухи. У нихъ крылья... Нѣтъ, ей-Богу, золотыя крылья — и они свиней гоняютъ.

— Ну, ну! О, Господи! — багровѣя отъ новаго прилива гнѣва, произнесъ помѣщикъ. — Ну?

Данилка радостно увлекаясь, продолжалъ:

— Они большіе, красивые, душа у нихъ огненная. А свинки — какъ люди, только на четверенькахъ бѣгаютъ.

— Какъ люди?

— У нихъ души нѣтъ, — пояснилъ Данилка.

— Ахъ, ты, несчастный. По-твоему люди и свиньи — одно и то же. Неправда-ли? Тебѣ все равно? Ты со свиньями, какъ съ братьями, живешь?

— Люблю... — произнесъ Данилка. — И хозяина... люблю.

— По-твоему, можетъ быть, и я свинья? Данилка поднялъ глаза на хозяина, и онъ вдругъ увидѣлъ такое сходство между Алексѣемъ Елизарычемъ и кабаномъ Васькой, котораго откармливали въ загородкѣ на убой, что отъ удовольствія тихо засмѣялся.

— Нѣтъ, ты скажи прямо, — нахмурились, приставалъ Алексѣй Елизарычъ, которому, кстати, послѣ обѣда, когда рабочіе отдыхаютъ и въ имѣніи дѣлать нечего, эта

бесѣда съ мѣдочкомъ являлась развлеченіемъ:—свинья я или нѣтъ?

— Кабанъ Васька. О, хорошій кабанъ! сказалъ Данилка.—Ежели одѣть его...

— Что? Что ты сказалъ? Повтори!—завревалъ Алексѣй Елизарычъ. Ты все дурака строишь!

Данилка испугался грознаго вида хозяина Алексѣя Елизарыча и повалился ему въ ноги.

— Пошелъ прочь! Болванъ! Идіотъ!—закричалъ Алексѣй Елизарычъ, толкнувъ ногой Данилку и отошелъ отъ него.

Вдали стояла кучка рабочихъ, которые покатывались со смѣха.

— Со свиньями меня сравниваетъ. Ей-Богу, онъ помѣшался!—обратился Алексѣй Елизарычъ съ милостивымъ словомъ къ рабочимъ и самъ залился веселымъ смѣхомъ.

Дождь капалъ крупными каплями. Разразилась гроза. Урываевъ боялся грома. Онъ побѣжалъ къ себѣ въ домъ, уткнулся головой въ подушки и такъ пролежалъ до вечера.

III.

Но съ этихъ поръ онъ особенно помнилъ о Данилкѣ. Онъ постоянно требовалъ его къ себѣ. Утромъ, вечеромъ, въ полдень онъ призывалъ къ себѣ Данилку и спрашивалъ:

— Такъ говоришь, еслибъ на кабана Ваську надѣть мой пиджакъ, да? Ахъ ты, дуракъ! Ахъ ты, осель!—кричалъ онъ на него.—Ты понимаешь, что говоришь? Какъ могло тебѣ въ голову прійти? Какого ты, значить, дурачкаго мнѣнія о людяхъ и о своемъ хозяинѣ. Языкъ какъ у тебя могъ повернуться сказать такое слово мнѣ, Алексѣю Елизарычу Урываеву, съ которымъ всѣ сосѣдніе дворяне находятся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. И становой ко мнѣ прѣзжаетъ и ночуетъ у меня. Да что становой. И повыше кто ночуетъ. Ахъ ты морда, пастухъ необразованный! Пойди сюда!

Онъ бралъ трепещущаго Данилку за руку, подводилъ его къ огромному простыночному зеркалу, купленному имъ вмѣстѣ съ старинной дворянской усадьбой и съ рѣдичіемъ, и говорилъ:

— Смотри, гдѣ у меня пятакъ? Развѣ у меня пятакъ есть? У свиньи морда пятачкомъ кончается, а у меня вотъ такой носикъ—съ перегибомъ, понимаешь?

Онъ прогонялъ Данилку.

Среди занятій, которымъ предавался помѣщикъ,—продавалъ-ли онъ свиней или садо, хлѣбъ или сѣно, ѣхалъ-ли въ городъ, участвовалъ-ли въ земскомъ собраніи или бесѣдовалъ съ священникомъ, съ земскимъ начальникомъ, съ учителемъ, съ золотнымъ старшиной, — мысль его постоянно напоминала ему о томъ, что онъ вовсе не свинья, и что въ этомъ всего легче убѣдиться, смотря въ зеркало. Стали замѣчать рабочіе, что Алексѣй Елизарычъ носитъ съ собой два зеркальца—одно внутри портсигара, другое на обратной сторонѣ головной щетки. Посмотрится въ зеркальце и призываетъ къ себѣ Данилку.

— А ты замѣчалъ, несчастный,—обращается онъ къ свинопасу:—что у свиньи есть хвостикъ?

Данилка ухмылялся.

— То то. А у меня хвостика нѣтъ. Нѣтъ, братъ, хвостика у меня нѣтъ,—повторялъ онъ, топая на него ногой и прогоняя съ глазъ.

IV.

Несмотря на возрастъ, Алексѣй Елизарычъ не былъ женатъ, а жилъ съ женщиною, какъ случится, и домъ у него былъ полонъ такими же бѣлотѣлыми и полными бабами, какъ онъ самъ. Когда прѣзжалъ къ нему становой, то говорилъ:

— Ну, да и бабы же у тебя—рафинады!

— Постойте, сдѣлаю я вамъ представленіе,—сказалъ разъ Алексѣй Елизарычъ въ праздникъ своимъ бабамъ. Садитесь-ка. Сбѣгай, Ванька, за Данилкой.

Лютый холодъ стоялъ на дворѣ. Дачилка пришелъ въ рваной свиткѣ и босикомъ.

— Скажите, пожалуйста, и не берите его ничто. Ну, ежели бы я такъ пошелъ за по сѣнгу—къ вечеру Богу душу отдалъ-бы. А ужъ я ли не здоровъ и не крѣпокъ.

— Божій человекъ,—одна за другою повторили хозяйскія бабы.

— Такъ-съ. А по моему дуракъ. Ну-ка, человекъ божій, объясни намъ, какая есть разница между мною и кабаномъ Васькой? Или, можетъ быть, никакой разницы ты не находишь?

Данила переминался съ ноги на ногу и безмолвно улыбался.

— Слушается тебя Васька?

— Вотъ, какъ слушается!

— Ты пробовалъ одѣвать кабана Ваську? Накось пиджакъ мой, ступай одѣнь хорошенько Ваську и приведи его къ крыльцу.

— Да что вы, Алексѣй Елизарычъ, — стали уговаривать тутъ своего хозяина бѣлыя бабы.

— Я своему слову господинъ. Что сказалъ, то сказано. Пойдемъ смотрѣть.

Данилка взялъ пиджакъ и побѣжалъ въ хлѣвъ. Алексѣй Елизарычъ съ бабами вышелъ на крыльцо. Смотритъ—и, действительно, рядомъ съ Данилкой идетъ кто-то вроде Алексѣя Елизарыча и хрюкаетъ.

Урываевъ увидалъ и поблѣднѣлъ. Ноги его задрожали, онъ опустился на полъ. Бросились къ нему, стали его опрыскивать водой, а Данилку съ Васькой прогнали.

V.

Послали за докторомъ.

Недѣли двѣ болѣлъ былъ Алексѣй Елизарычъ. Онъ лежалъ въ темной комнатѣ и бредилъ. Докторъ навѣдывался. Пріѣхала сестра Алексѣя Елизарыча, купчиха, торговавшая дегтемъ и баранками въ сосѣднемъ селѣ. Съ ней Алексѣй Елизарычъ былъ не въ ладахъ, но болѣзни брата дала родственнымъ чувствамъ сестрицы дружеское направленіе. «Еще помретъ, Боже сохрани, и все растащатъ безъ меня», — думала Агафья Елизаровна.

Ледъ въ резиновомъ пузырьѣ приносили и клали на голову Алексѣю Елизарычу. Это всегда дѣлалъ Данилка. За время болѣзни хозяйина привязанность Данилки къ нему необыкновенно усилилась. Изъ хлѣва онъ то и дѣло прибѣгалъ въ переднюю.

— Ну, чего ты тутъ ухмыляешься!—кричали на него.

Наконецъ, Алексѣй Елизарычъ сталъ узнавать окружающихъ и просить ѣсть, но когда къ нему однажды наклонилась Агафья Елизаровна, онъ хрюкнулъ страшнымъ басомъ и потомъ взвизгнулъ — со всѣмъ, какъ кабанъ Васька.

Крестясь, отскочила Агафья Елизаровна, а онъ разсмѣялся. Но и въ смѣхѣ его слышались визгливыя ноты.

— Гдѣ Данилка?—спросилъ онъ.

Данилка выскочилъ изъ-за дверей.

— Ну, мой крылатый свинопасъ, какъ ты поживаешь?—началъ Алексѣй Елизарычъ покровительственно.

— Свиньи...

— Что свиньи?

— Хорошо...

— Хорошо поживаютъ?

— Да...

— А Васька?

— А Васька? О! Васько вотъ какой!

— Не отходи отъ меня, Данилка, а то мнѣ такъ и хочется стать на четвереньки. Отъ слабости.—Я рѣшилъ отъ тебя ничего не скрывать,—подмигнувъ Данилкѣ, ска-

залъ помѣщикъ.—Тянетъ меня въ свинятникъ. Пойдемъ посмотримъ.

Урываевскій свинятникъ славился въ цѣломъ уѣздѣ. Это было огромное низкое зданіе вроде оранжереи, только съ темной крышей. Посрединѣ проходилъ, а по обѣимъ сторонамъ закуты для свиней съ механическими корытами, которыя вдругъ могли наполняться водою и кормомъ. Когда Алексѣй Елизарычъ и Данилка вошли въ свинятникъ, поднялся нестерпимый визгъ.

— Онѣ радуются, — сказалъ Алексѣй Елизарычъ,—что меня видятъ, и въ отвѣтъ самъ завизжалъ.

Данилка закрылъ глаза отъ умиленія. Но Агафья Елизаровна, сдѣдившая издали за братцемъ, чрезвычайно обезпокоилась.

— Святители!—воскликнула она.—Братецъ свинячиться начали, видимое дѣло. Кричатъ въ свинь голосъ и стать у нихъ со всѣмъ стала свинная, а на затылкѣ волосы —ни дать ни взять щетина.

Услышалъ Алексѣй Елизарычъ слова сестры, нахмурился и произнесъ:

— Кому свинья, а намъ семья. Прочь съ моихъ глазъ!

— Свинья мнѣ не братъ, — закричала Агафья Елизаровна.

Она сейчасъ же собралась и уѣхала къ себѣ домой, но слухъ о новыхъ привычкахъ Алексѣя Елизарыча разошелся по всему уѣзду. Черезъ нѣкоторое время стали даже поговаривать, будто Алексѣй Елизарычъ велѣлъ себѣ сдѣлать закуту въ хлѣвѣ и проводить въ ней почти все время.

VI.

Самое удивительное было то, однако, что онъ не запускалъ своихъ дѣлъ. Какъ всегда распорядился онъ всѣмъ своимъ хозяйствомъ, опять вошелъ во всѣ мелочи его, исправилъ всѣ упущенія, и съ мужиковъ, которые приходили къ нему одолжать денегъ, бралъ двойныя росписки съ обязательствомъ отработать сеуду лѣтомъ. Для своихъ бабъ самъ побѣжалъ въ городъ и купилъ рождественскіе подарки, спрятавъ ихъ до поры до времени въ комодъ. Все было, какъ слѣдуетъ. Къ тому же, что хозяинъ по временамъ заливался визжащимъ смѣхомъ, или начиналъ самодовольно хрюкать, всѣ уже привыкли. Думали такъ, что пришла блажь помѣщику—онъ и чудитъ. Съ Данилкой онъ почти не разставался.

Только когда наступило время колоть кабановъ, Алексѣй Елизарычъ съ утра сталъ чувствовать себя тревожно, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и уже за часъ говорилъ бѣлымъ бабамъ:

— Ахъ, свинки мои, боюсь!

И голосъ его переходилъ въ унылый визгъ. Ему было и страшно, и смѣшно, и онъ старался шутить, и дать просторъ своей потребности визжать и хрюкать, прикрывая ее комизмомъ и шутовствомъ.

— Ну-те-ка, хрюкайте и вы, свинки!—просилъ онъ бабъ.

И тѣ, чтобы угодить своему хозяину, повизгивали и похрюкивали, лаская его.

VII.

За Данилкой прибѣжали работники: безъ него Васька не хотѣлъ выходить изъ закуты. Данилка всегда плакалъ, когда убивали свиней, и теперь, когда онъ узналъ, что Васькѣ приходитъ конецъ, потому что онъ немовѣрно разжирѣлъ, и пора было его саду претвориться въ человеческое тѣло — затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

Убой свиней въ Урываевскомъ имѣніи ежегодно давалъ огромный доходъ.

— Ступай, Данилка,—приказалъ Алексѣй Елизарычъ, вспоминая объ этомъ.

Съ озабоченнымъ лицомъ онъ всталъ, задымилъ сигарку и самъ пошелъ смотрѣть, какъ будутъ колоть и смолить Ваську. Но

Рождество Христово въ старой Руси.

Поклонение царей Петра и Иоанна Алексѣевичей и царевича Алексѣя новорожденному Спасителю.

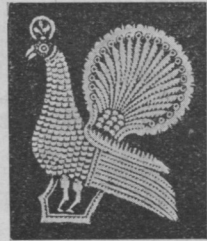
Со старинной гравюры киевскаго мастера Захарія Самуйловича.

Историческихъ портретовъ и картинъ работы старинныхъ русскихъ гравировъ дошло до насъ очень немного. Д. А. Ровинскій считаетъ са-

мымъ замѣчательнымъ изъ нихъ воспроизводимое нами „поклонение царей“. Изображенія царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, какъ и царевича Алексѣя,

мало соответствуютъ, впрочемъ, дѣйствительности. Простонародная картинка эта получила весьма широкое распространение.

Старинные печатные пряники для праздничных подарков.

Оттиски со старинныхъ пряничныхъ досокъ, отпечатанные въ литографіи Голышева, въ селѣ Мстерѣ, вязниковскаго уѣзда. („Русскія народныя картинки Д. А. Ровинскаго“).

Въ старой Руси въ праздничные дни парни дарили дѣвушекъ леденцами, а тѣ отдаривали ихъ печатными пряниками съ разными по-

желаніями. Первый пряникъ съ изображеніемъ двуглаваго орла и надписью: „Радуйся, роССіи орле двоуглавыи!“ воспроизведенъ нами изъ рѣдкаго изданія

Голышева. Остальные три оттиска съ пряничныхъ гравированныхъ досокъ — изъ капитальнаго труда Д. А. Ровинскаго „Русскія народныя картинки“.

Святки въ древней Руси.

„Гаданье“—картина К. Е. Маковскаго.

уходя из столовой, он остановился у приоткрытой и почесался об нее боком, а оглянувшись на баб, улыбнулся им, сузив глазки, и в разные стороны крутнул носом.

— А ну, да и шутник вы Алексѣй Елизарычъ,—сказали бѣлыя бабы, заливаясь смѣхомъ.

VIII.

На пустынномъ огородѣ, покрытомъ бѣлымъ снѣгомъ, разложены были уже костры. Связанныя свиньи визжали на разные голоса. Нѣкоторые уже неподвижно лежали. Запахъ жженой шетины распространился въ воздухѣ. Рабочіе возились около свинныхъ тушъ.

Алексѣй Елизарычъ вынулъ зеркальце и успѣлъ посмотреть на себя. Вдругъ позади онъ услышалъ вздохъ.

Оглянулся—Данилка ведетъ послушного Ваську, который еле передвигался и на каждомъ шагу вздыхалъ. Хозяинъ обрадовался Данилкѣ и присоединился къ нему.

Данилка пошелъ посредникъ. По обѣимъ его сторонамъ шли Алексѣй Елизарычъ и Васька.

Никто не могъ ожидать отъ странно жирнаго, неповоротливаго Васьки такой прыти: едва подвелъ его Данилка, у котораго изъ глазъ текли слезы, къ мѣсту, гдѣ нависли петлю на ноги кабанамъ и свиньямъ и опрокидывали ихъ, оглушая ударомъ обуха въ лобъ, какъ Васька, догадавшись о предательствѣ своего друга, вырвался и побѣжалъ. Поднялся гвалтъ, началась суматоха. Какъ-то особенно громко завизжали и захрюкали свиньи, загоготали рабочіе. Огромный кабанъ носился по огороду въ смертельномъ страхѣ. Въ глазахъ Алексѣя Елизарыча все потемнѣло. У него опять задрожали ноги, онъ упалъ на четвереньки и тоже побѣжалъ по снѣгу—сначала неуклюже, но вскорѣ все рѣзвѣе и рѣзвѣе, оглашая воздухъ пронзительнымъ визгомъ.

Рабочіе поймали, наконецъ, Ваську и поймали Алексѣя Елизарыча.

Онъ уткнулся лицомъ въ снѣгъ у самого плетня и лежалъ ничкомъ, стараясь руками продѣлать отверстие, чтобы убѣжать въ поле. Но когда люди подняли его и поставили на ноги, онъ обвелъ всѣхъ тусклымъ взглядомъ и свирѣпо сказала, придя въ себя:

— Ахъ вы, подлецы, небось и меня заколотъ хотѣли.

— Что вы, Алексѣй Елизарычъ!

— Вы такого мнѣнія, что, если я похожъ на Ваську... Нѣтъ, братцы, сало мое не годится... Съ вами, чертями, шутить нельзя, вы сейчасъ серьезное дѣло изъ этого выводите. Ну говорите: конечно, меня за кабана приняли?

— Какихъ можно, Алексѣй Елизарычъ. Вы нашъ соколъ ясный, орелъ. Мы за васъ Богу молиться должны. Ножки ваши дѣловать обязаны.

— Ножки обязаны дѣловать, а ринулись за мной, какъ оглашенные, и убѣжать нельзя было.

— Да куда-жъ вамъ бѣжать, Алексѣй Елизарычъ. Зачѣмъ?

Алексѣй Елизарычъ сдѣлалъ уморительную гримасу, опустил руку въ карманъ коротенькаго тулупчика своего, досталъ оттуда горсть серебра и роздалъ рабочимъ.

— Покажите-ка мнѣ Ваську,—притворно весело сказалъ онъ.

Васька былъ уже убитъ, и его обкладывали соломою. Огромное, почти голое тѣло его вздымалось, какъ гора. Ротъ былъ раскрытъ, и въ принуденныхъ глазахъ его и въ складкахъ морщинистой морды залегло какое-то юмористическое выраженіе.

— Хорошій кабанъ,—сказалъ Алексѣй Елизарычъ, обращаясь къ Данилкѣ, кото-

рый утиралъ слезы кулаками.—Что, сколько мы прибыли возьмемъ въ этомъ году?—какъ ни въ чемъ не бывало, дѣловито спросилъ Алексѣй Елизарычъ старшаго приказчика, словно бы онъ и не бѣгалъ по огороду и на его костюмъ не было слѣдовъ снѣга и борьбы съ рабочими.

Приказчикъ снялъ шапку и отвѣтилъ, что столько и столько-то.

— Немногимъ больше противъ прошлаго года?—спросилъ Алексѣй Елизарычъ.

— Процентомъ на десять.

— И то добро,—проговорилъ Алексѣй Елизарычъ.—Охъ, дѣла, дѣла,—вздохнувъ, заключилъ онъ, позвалъ Данилку и пошелъ съ нимъ прочь изъ огорода.

Приказчики и рабочіе, которые посолоннѣ, собравшись въ кучку, смотрѣли на него. Онъ чувствовалъ, что на него смотреть и думать о немъ, но не оглядывался. Онъ шелъ своей самой солидной помѣщичьей походкой, а наемники побоялись даже обмѣняться о немъ словомъ, изъ опасенія, что ему донесутъ, и только съ уваженіемъ сказали:

— Хозяинъ!

IX.

Алексѣй же Елизарычъ, посмѣиваясь, спросилъ у Данилки:

— Ну что, ловко?

Данилка промолчалъ. Онъ былъ весь подъ впечатлѣніемъ насильственной смерти кабана Васьки.

— Я знаю, о комъ ты думаешь. О Васькѣ, а?

— Ба-а-а-льшой былъ кабанъ!

— А помнишь, какъ ты его одѣвалъ?

— Акуратъ твой поджакъ.

— А, то-то. Ну, а меня не тронули. Все-таки заколотъ меня нельзя. Нѣтъ такого ножа, которымъ бы меня можно было заколотъ. Еще ножъ не выросъ, Данилка. Какъ ты объ этомъ разсуждаешь?

— Нельзя хозяина.

— И обухомъ меня никто не смѣетъ по лбу ударить. Лобъ у меня еще крѣпокъ, Данилка.

По дорогѣ они зашли въ свинятникъ. Алексѣй Елизарычъ направился къ закутѣ Васьки, внимательно осмотрѣлъ ее, пустилъ кранъ, сполоснулъ, вошелъ въ нее и тихонько сказалъ Данилкѣ:

— Принеси-ка мнѣ горячей картошки сюда.

Какъ только Данилка ушелъ, помѣщикъ сталъ неудержимо хрюкать и визжать—до насыщенія. Со всѣхъ сторонъ ему отвѣчали уцѣлѣвшіе свиньи, кабаны и подсвинки.

— Куикъ-куикъ! Хрю-хрю-хрю!

Но вернулся Данилка. Алексѣй Елизарычъ умолкъ, поѣлъ картошки въ закутѣ, вышелъ изъ нея, закурилъ сигарку и направился домой, гдѣ съ испугомъ его встрѣтили бѣлыя бабы. Онъ уже зналъ, что съ Алексѣемъ Елизарычемъ опять что-то приключилось. Но, увидавъ, что онъ здоровъ и невредимъ, притихли и стали улыбаться.

— Хрю-хрю!—произнесъ онъ.

— Куикъ-куикъ! — покорно отвѣчали бабы.

— Слушайте, женскій полъ,—началъ Алексѣй Елизарычъ:—будемъ мы на святкахъ играть, а то скучно... Будто бы мы свиньи, а Данилка пускай насъ пасетъ. Говеръ разстелемъ въ большой залѣ. Этакъ-то весело будетъ. Ха-ха-ха-ха! Хрю-хрю! Визгъ! Визгъ!

X.

Въ большой половинѣ дома на зиму были закрыты ставни, и комнаты изъ экономіи не отапливались, но къ Рождеству Алексѣй Елизарычъ велѣлъ все привести въ порядокъ и въ особенности натопить большую залу.

Она вся была заставлена красивою мебелью, бѣлой съ золотомъ, и простѣйки ея были забраны огромными зеркалами, а съ потолка спускались хрустальные люстры.

На сочельникъ къ Алексѣю Елизарычу собралось большое общество. Приѣзжалъ докторъ-холостякъ — Викторъ Авиногеновичъ Рукосуевъ, земскій начальникъ, который видѣлъ въ Урываевѣ воплощеніе широкой русской натуры и самородный талантъ, священникъ о. Алексѣй Поспѣшинскій, учитель съ женой, нѣсколько зачумыхъ дворянъ, считавшихъ неудобнымъ отказаться отъ приглашенія богатаго выскочки, и сестрица Агафья Елизаровна съ дочками.

Еще съ утра стали печь пирога съ макомъ, съ рисомъ, съ осетриной, съ вязигой, растегаи, было сдѣлано заливное изъ ливеръ и всякая всячина. Было изготовлено также нѣсколько сортовъ куты и макова, медовая сыта. Кухарка Мавра и бѣлыя бабы изъ силъ выбивались, чтобы не ударить лицомъ въ грязь.

Алексѣй Елизарычъ весь день скучалъ. Онъ не ѣлъ до звѣзды—таковъ обычай. вмѣстѣ съ Данилкой ходилъ онъ по двору и спрашивалъ:

— А что звѣзда взошла?

Данилка смотрѣлъ на небеса и объявлялъ:

— Нѣтъ.

Безъ Данилки теперь жить не могъ Алексѣй Елизарычъ. Если бы Данилка былъ умнѣе, онъ сталъ бы временщикомъ въ домѣ. Но, вмѣсто всякихъ благъ, онъ получилъ только къ празднику хозяйскій пиджакъ, который на немъ неуклюже и безобразно болтался.

— Никому я не признался бы, Данилка, но тебѣ скажу,—солидно началъ Алексѣй Елизарычъ, закуривая сигарку:—что, когда ты нашелъ сходство между мною и кабаномъ Васькой—помнишь?—я тогда же подумалъ, что ты правъ. Но только—какъ тебѣ сказать—обидно было. А теперь я убѣжденъ въ этомъ,—что я не только похожъ, но какъ-будто бы я, въ самомъ дѣлѣ, свинья. Мнѣ грустно, что я живу въ домѣ, и что меня принимаютъ за человѣка. Въ душѣ я смѣюсь надъ людьми и надъ всѣмъ человѣческимъ. Конечно, такъ ужъ случилось, что я родился съ ногами и съ руками. Облегченіе большое я чувствую, что могу бесѣдовать съ тобой. Никто не можетъ такъ меня понять, какъ ты. Ты, вотъ дуракъ, а понимаешь меня. Ты, такъ долго со свиньями жилъ, что ты меня насвободу видишь, и тѣмъ ты хорошъ, что, если бы ты даже сталъ другимъ объ этомъ говорить—хотя ты этого не можешь сдѣлать,—никто тебѣ не повѣритъ. Всѣ тебя за идиота принимаютъ. Да ты и есть, можетъ быть, идиотъ, но только ты человѣкъ, и можешь поднимать голову, и смотрѣть на звѣзду, а я не могу.

XI.

Наконецъ, взошла звѣзда. Стали съѣзжаться гости. Въ огромной залѣ раздвинуты были древніе столы и приготовленъ рождественскій ужинъ. Всѣ успѣли за столъ при яркомъ блескѣ огней, весело отражавшихся во множествѣ хрустальныхъ подвѣсокъ, которыя трепетали и играли радужными переливами, какъ самоцвѣтные камни. Алексѣй Елизарычъ сѣлъ въ одномъ концѣ стола, Агафья Елизаровна въ другомъ. Пили и ѣли доутвала. Было провозглашено здоровье Алексѣя Елизарыча, и сестрица подошла къ нему и чокнулась.

— Не сердись на меня, братецъ,—сказала она:—свои люди—сочтемся.

Алексѣй Елизарычъ всѣмъ кланялся и благодарилъ.

Послѣ ужина земскій начальникъ, у котораго были почти бѣлые близорукіе глаза, подошелъ къ Урываеву, хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Ахъ, и самородный русскій геній! Ахъ ты, самородная душа! Геніальный ты человекъ, братъ!

Такъ поправилось ему угощеніе. Больше онъ ничего не сказалъ и уѣхалъ. Вслѣдъ затѣмъ уѣхали и другіе гости. Остались ночевать у Алексѣя Елизарыча докторъ Викторъ Аѳиногеновичъ, сестрица и становой, съ которымъ Урываевъ сошелся съ нѣкоторыхъ поръ на ты. Докторъ велъ аккуратную жизнь и первый пошелъ въ свою спальню. Когда же Агафья Елизаровна тоже ушла, Алексѣй Елизарычъ чокнулся со становымъ и сказалъ:

— Александръ Георгиевичъ, а что если бы намъ попасться?

— Ты что подъ этимъ подразумѣваешь? Алексѣй Елизарычъ прищурилъ одинъ глазъ и крутнулъ носомъ.

— Хрю! хрю!

— Не понимаю.

— Чудесно можно разослать коверъ..

— А! Бабы у тебя—рафинадъ.

— Кункъ, кункъ!

Со стѣнъ съ недоумѣніемъ смотрѣли портреты прежнихъ владѣльцевъ усадьбы. Ничего подобнаго они не видѣли и не слышали. Ихъ преемникъ превзошелъ ихъ ожиданія.

ХП.

На другой день еще до обѣдни сестрица Агафья Елизаровна вызвала доктора и стала совѣщаться съ нимъ.

Неужели же все это можно терпѣть Викторъ Аѳиногеновичъ?

— И, матушка, не такіе еще вещи терпятъ!—сказалъ докторъ.

— Но позвольте, ежели человекъ себя свиньей воображаетъ—по огороду бѣгаетъ, хрюкаетъ, въ закутѣ сидитъ и ведетъ явно непотребную жизнь—неужели нельзя его посадить въ сумасшедшій домъ?

— Скажите прямо, матушка, что вамъ хотѣлось бы имѣннице къ своимъ рукамъ прибрать.

— Ужъ, разумѣется, мнѣ оно должно достаться, потому что сестра я евонная родная.

— Подождать надо, пока умереть.

— Нѣтъ, не могу я съ этимъ согласиться. Онъ такъ меня переживетъ. Я губернатору подамъ просьбу, чтобы освидѣтельствовали Алексѣя Елизарыча. Я это вошла къ нимъ сейчасъ въ спальню и говорю: «Алексѣй Елизарычъ, пора вставать, въ церковь надо», — а онъ какъ хрюкнетъ на меня. ей-Богу!

— У всякаго человека есть свои странности, Агафья Елизаровна. И мы съ вами, можетъ быть, на чемъ нибудь помѣшались.

— Упаси Боже, ни на чемъ я не помѣшалась.

— А можетъ быть, вы на томъ помѣшались, что вашъ братъ помѣшанный. Такъ вотъ и васъ, значить, надо запрятать.

— Ахъ, какія вы страсти говорите, Викторъ Аѳиногеновичъ! Никакъ не ожидала стъ васъ этого. За что же меня прятать то? А его ясно за что. Онъ свинячится съ каждымъ днемъ все больше и больше. Пускай его освидѣтельствуютъ, я этого требую.

— Послушайте, Агафья Елизаровна, порядочные люди къ нему ѣздятъ?

— Ѣздятъ.

— И онъ гласнымъ отъ земства состоитъ?

— Состоитъ.

— А дѣла свои онъ хорошо ведетъ?

— Дѣла ведетъ ничего. Конечно, мужчина.

— Ну, вотъ видите-ли. Крестьянъ-то онъ всѣхъ окрутилъ, у него вся округа въ горсти, никому онъ пикнуть не даетъ.

— Ужъ точно, онъ богатый человекъ, своего интереса не упускаетъ. И меня онъ прижалъ лѣтось. Коммерческое дѣло, говорить.

— Ну, то-то. А на счетъ хрюканья позвольте вамъ сказать, что я когда былъ студентомъ, то бывало пріѣдешь домой въ деревню,—у меня мать діакошница была—да какъ выйдешь, замычишь коровой—со всѣхъ сторонъ откликаются бывало коровы, и мать выбѣгаетъ: «что это съ нашей буренушкой сдѣлалось». Вотъ, какой я былъ художникъ по этой части. Гости бывало соберутся и мать преситъ: «Витя, представь, какъ коровы мычатъ». Я даже въ славу вошелъ, подражатели нашлись. Я представляю, а гости вслѣдъ за мною пробуютъ. А что-жъ, я мальчишка былъ, а они взрослые люди, и между ними діакошъ былъ одинъ, препотеннѣйшій человекъ, но тоже мычалъ. «А ну-ка, ну-ка, Витя!» И я, разумѣется, всѣхъ перемычу. Ну, такъ вотъ и Алексѣй Елизарычъ точно также имѣетъ маленькую склонность къ хрюканью. Помѣщикъ князь Адамовъ, въ прошломъ году который скончался, тотъ любилъ пѣтухомъ кричать. И какъ искусно кричалъ! Руками захопачаетъ, прыгаетъ на диванъ, на лорточкахъ сидитъ и—ку-ка-ре-ку! Ничего, однако, дѣтямъ имѣние оставилъ незаложенное. Не совѣтую вамъ, Агафья Елизаровна.

Черезъ комнату прошли одна за другою бѣлая баба. Агафья Елизаровна вся позеленѣла.

— Видѣть ихъ не могу!

— Эхъ, Агафья Елизаровна, видѣть не можете а ѣдите сюда и еще съ дочками.

— Все-жъ надежда. Викторъ Аѳиногеновичъ, что авось..

Докторъ махнулъ рукой, закурилъ папироску и прервалъ разговоръ съ Агафьей Елизаровной.

ХІІІ.

Она своей мысли все-таки не оставила. Сплетня въ уѣздѣ пошла, что Алексѣй Елизарычъ окончательно освинячился. Это очень помогло сестрицѣ.

Въ одинъ прекрасный день, когда Алексѣй Елизарычъ сидѣлъ въ конторѣ и медкалъ на счетахъ, къ нему пріѣхалъ исправникъ вмѣстѣ съ докторомъ и еще какія-то липа и весьма хитро заявили, что желаютъ провести день въ гостяхъ у гостеприимнаго помѣщика. Алексѣй Елизарычъ проклялъ ихъ въ душѣ, потому что было недога— какъ разъ самая рабочая пора въ разгарѣ, но преодолѣлъ себя и напоилъ на славу непрошенныхъ гостей. Пьянство было какое страшное, что къ вечеру гости всѣ легли въ повалку. Изъ залы, гдѣ они пировали, слышался визгъ, раздавались пьяныя пѣсни, и кто-то громко хрюкалъ и визжалъ. Гости уѣхали на другой день отъ Алексѣя Елизарыча съ самыми добрыми чувствами и намѣреніями.

Губернаторъ какъ-то спросилъ у исправника:

— А какой-то мнѣ странный дѣнось былъ на одного вашего помѣщика... Онъ изъ мужиковъ... Урываевъ, что-ли?

— Такъ точно, ваше превосходительство, —отвѣчалъ исправникъ.—Онъ хорошій человекъ.

— Хорошій?

— Отлично ведетъ хозяйство.

— Но какую-то жизнь странную ведетъ. Вообще, кажется, онъ свинья.

— Свинья, ваше превосходительство, дѣйствительно, — съ улыбкой сказалъ исправникъ:—но, во всякомъ случаѣ, нормальная свинья.

Алексѣя Елизарыча Урываева оставили въ покоѣ, и онъ продолжалъ жить такъ, какъ ему нравится, и богатѣть съ каждымъ годомъ. На свинью онъ сталъ похожъ необычайно. Когда онъ пріѣзжаетъ въ земское собраніе, къ нему пристають земцы:

— А ну, хрюкните, Алексѣй Елизарычъ. Онъ улыбнется и хрюкнетъ.

За всѣмъ тѣмъ онъ считался добродушнымъ малымъ, честнымъ обществомъ дѣятелемъ, оживившимъ мѣстность свиннымъ промысломъ, и о немъ говорятъ почти съ уваженіемъ. Если же кто черезчуръ нападаетъ на него, то возражаютъ, повторяя слова исправника:

— Свинья, конечно, но свинья совершенно нормальная.

Михаилъ Евдокимовъ

Бѣлая баба.

Дѣтская сказочка.

Надоѣли дѣтямъ горки. Ясный полдень. Какъ тутъ быть? — Дѣти, дѣти!—На задворки Бабу снѣжную лѣпить!

Навалили кучу снѣгу. Радость, визгъ и смѣхъ кругомъ. Каждый ляпаецъ съ разбѣгу Бѣлой-бѣлой снѣжный комъ.

У дѣтей румяны лица. Солнце. Иней отъ березъ. Всякъ художникъ и гордится, Что въ работу лепту внесъ.

Толстый носъ придѣлалъ Митя, Ваня—руки. И въ пылу Кто-то крикнулъ: «Принесите Изъ-за дворничкой метлу!»

Есть метла. Ее воткнули Бѣлой бабѣ прямо въ грудь. Отступили и взглянули, Право, боязно взглянуть...

Солнце пало. Отсвѣтъ алый Тихо льется черезъ тынъ. Дѣти смотрятъ: небывалый, Очень страшный исполнѣ.

Кто-то знаетъ,—врагъ-ли, другъ-ли Эта баба... Съ виду—зла... Вмѣсто глазъ чернѣютъ угли, И въ рукахъ торчитъ метла...

Скоро небо потемнѣло. Встали тѣни тутъ и тамъ, Дѣти малыя несмѣло Разбѣжались по домамъ,

Ночью баба имъ приснилась: Дѣтокъ по двору гнала... Страшно, страшно шевелилась У нея въ рукахъ метла.

По ночамъ боятся дѣти Къ бѣлой бабѣ подойти— На задворкахъ, возлѣ клѣти, Тихо... «Съ бабой не шути!»

И когда капризный Ваня Не ложится поздно спать,— Объягаетъ Ванѣ няня Бабу бѣлую позвать.

Дѣти, дѣти! Страхъ напрасенъ. Вѣчныхъ бабъ на свѣтѣ нѣтъ. Ждите солнца. Будетъ ясенъ И горячъ весенній свѣтъ.

То, что ночью васъ пугаетъ, Что рождаетъ жуткій страхъ,— Потускнѣетъ и растаетъ Въ яркихъ солнечныхъ лучахъ.

Владимиръ Генералъ

«Ассамблея въ Петербургѣ»,—съ рус...

ВИДѢНІЕ.

Рождественскій рассказъ А. Будищева.

На судѣ онъ долго и упрямо отпирался, рассказывая, какъ и на допросѣ у слѣдователя, что то почти фантастическое, очень мало похожее на правду. Прокуроръ выбивался изъ силъ, всячески пытаясь поймать его на словѣ, но онъ упрямо, какъ дятель, долбилъ все одно и то же.

На хуторѣ, гдѣ онъ служилъ, въ ночь подъ Рождество напало трое неизвѣстныхъ съ лицами, завязанными бабьими платками. «Только одни глаза у нихъ были видимы». И это они зарубили топоромъ кухарку Домну. А онъ проникъ въ домъ уже послѣ убійства, и отъ страха на порогѣ горенки, гдѣ спали дѣти, съ нимъ стало дурно, такъ что онъ упалъ въ обморокъ, въ какомъ видѣ онъ и былъ найденъ другимъ рабочимъ, Спиридономъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ обвиняемый хотѣлъ было поклясться, но вдругъ испуганно задрожалъ, точно увидѣвъ, какихъ-то незримыхъ обличителей въ томъ углу, гдѣ стояли образа; изъ его горла сперва вырвались сердитые богохульные выкрики, тонкіе и пронзительные, всполошившіе все зало. А затѣмъ, нѣсколько прійдя въ себя, онъ какъ-то весь точно потухъ и, отдышавшись, съ блеклыми глазами, рассказъ нижеслѣдующее:

«Я совсѣмъ не тотъ, за кого вы меня принимаете. Бумаги мои, вами заарестованныя—фальшивыя. Кромѣ этихъ бумагъ, у меня есть еще одинъ фальшивый паспортъ, спрятанный на томъ же хуторѣ, въ амбарчикѣ, подъ куделью, въ жестяной коробочкѣ изъ-подъ табака. По тому паспорту я именуюсь крестьяниномъ деревни Каржимана, Уфимскаго уѣзда, Серраджидинномъ Рехметуллинымъ, магометанскаго вѣроисповѣданія. Я говорю по-русски, какъ русскій, по-татарски, какъ татаринъ, и по-мордовски, какъ мордвинъ. А кто же я есть на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ, я мѣщанинъ Илья Пѣночкинъ, въ юности исправлявшій должность сельскаго писаломщика, затѣмъ рядовой Нижегородскаго драгунскаго полка, и, наконецъ, ссыльно-каторжный, осужденный за убійство и ограбленіе рыбной торговли Аглаи Марковой на проѣздѣй дорогѣ ночью у города Сердобска.

Вотъ что я за гусь! Торговка была задумана тонкой бичевкой и докторъ на судѣ удивлялся человѣческому жестокосердію.

Съ каторги я бѣжалъ послѣ перваго же года съ подложнымъ паспортомъ въ карманѣ, имѣя еще про запасъ въ походной сумкѣ и другой. Бѣжалъ, скитался по разнымъ мѣстамъ, питаясь, какъ попало и чѣмъ попало. А потомъ черезъ годъ пристроился. Нанялся работникомъ къ тому хозяину, у котораго вы меня взяли: къ Абраму Никешкину, арендатору, снимавшему хуторокъ въ дѣсти десятинъ земли. Хозяинъ онъ былъ добрый и привѣтливый, и я въ первый же годъ вызналъ его и вдоль и поперекъ, вошелъ къ нему въ полное довѣріе и подглядѣлъ нѣкоторую его тайну. Абрамъ Никандръ съ котомъ торговалъ и каждый годъ изъ Москвы около Рождества большія суммы денегъ съ собой привозилъ, тысячь пять, шесть. Изъ тѣхъ денегъ большую часть, какъ я тоже остороженъ

о томъ вызналъ, онъ въ уѣздномъ казначействѣ на книжку клалъ, а тысячу онъ припрятывалъ въ щель карниза, въ горенкѣ, гдѣ спали дѣти, прикрывая затѣмъ эту щель коврикомъ и заставляя ее дѣтской кроваткой, на которой спала его старшая дочка Аленушка. Такъ что, чтобъ пробраться къ деньгамъ этимъ, надо было сперва кроватку отставить и коврикъ сдернуть. Однажды, таясь босикомъ за дверью, я подслушалъ разговоръ хозяйна съ хозяйкой. И изъ этого разговора узналъ, что въ щели карниза, за дѣтской кроваткой, теперь уже пять тысячь рублей сохранялось. Абрамъ Никандръ, склоняясь къ уху жены, шепталъ:

— А еще черезъ пять годочковъ тамъ десять тысячь будетъ! Поняла?

— И слава Богу,—вздыхнула та.

— И тогда мы это самое имѣніе въ вѣчностъ откупимъ. Да?

Хозяйка опять вздохнула:

— И слава Богу! Живой о живомъ печется! А я тогда же рѣшилъ въ сердцѣ, точно гвоздемъ на камнѣ выпаралъ:

«Черезъ пять лѣтъ эти денежки будутъ мои. Десять тысячь! Непремѣнно. Во что бы то ни стало!»

И я рѣшилъ пройти къ этимъ деньгамъ хотя бы черезъ море крови. Понимаете: я такъ рѣшилъ!

Въ то время старшей дочкѣ хозяйской всего три годочка было. И я съ нею лѣтомъ по вечерамъ въ лошади порою игралъ. Кнутикомъ ее погонялъ и думалъ:

«Черезъ пять лѣтъ въ эту самую ноченьку, какъ я за деньгами пойду, лучше не просыпайся, Аленушка, спи крѣпче, дѣвчурка, а не то придется тебя топоромъ зарубить!»

Однажды, покачивая ее на колѣняхъ, спросилъ я:

— Ты меня любишь, Аленушка?

— Любу, — она-то мнѣ отвѣтила, — а что?

И я сказалъ:

— Такъ, ничего я. Дѣтямъ всего нелзя говорить: много будете знать, скоро состаритесь. Только я объ одномъ попрошу тебя, Аленушка...

— О чемъ?

— Крѣпче старайся спать по ночамъ...

А младшій, Боренька, въ тотъ годъ еще поползнемъ былъ. Если не доглядишь, бывало, изъ одной лоханки съ поросятами куски поровитъ вылавливалъ. Мнѣ его съ пальца манной кашей воспитывать доводилось. И онъ отъ этого вотъ до чего мой указательный палецъ обожалъ! Какъ, бывало, его увидитъ, такъ и загрясется: отъ радости все личико въ краску броситъ.

И я его, бывало, просилъ:

«Крѣпче по ночамъ спи, Боренька...»

И такъ прошло четыре года. Пошелъ пятый. Леночка уже грамотѣ стала обучаться. По зимнимъ вечерамъ мнѣ «Буря мглою небо кроетъ» по складамъ читала. А Боренька на моемъ указательномъ пальцѣ кнутики изъ кудели самостоятельно вилъ. Прошелъ еще мѣсяць. Еще и еще. Двадцатаго декабря вернулся хозяйинъ изъ Москвы и десятую тысячу въ щель карниза за Аленушкиной кроваткой доложилъ. И сказалъ я самому себѣ:

«Пора».

И еще добавилъ, словно изъ кремня искру стальной выбилъ: „Я такъ рѣшилъ“.

Татарское платье я въ этотъ же мѣсяць заранѣе себѣ припасъ: въ амбарчикѣ подъ куделью его пряталъ. И думалъ: какъ только я тѣ самыя деньги въ свой карманъ переложу, такъ сейчасъ-же въ татарское платье переряжусь и съ татарскимъ паспортомъ въ карманѣ въ среднюю Азію махну, если надо, въ самую Бухару уйду. И въ Бухарѣ люди живутъ. Женюсь на сартянкѣ молоденькой и фруктовую торговлю заведу. Съ деньгами вездѣ хорошо. А тутъ мнѣ какъ разъ пофортунило шибко. Въ самый сочельникъ 24 декабря изъ сосѣдняго села къ Абраму Никандровичу внезапный посолъ: оказывается, его матушка захворала. Матушка эта въ сосѣднемъ селѣ лавочку съ краснымъ товаромъ держала и такое ужъ прискорбное обикновеніе имѣла: послѣ каждаго поста животомъ помирала. И сына къ себѣ на свиданіе въ педугѣ звала. Посолъ этотъ какъ разъ во время вечерняго чая пріѣхалъ. А послѣ чая, уложивъ дѣтей спать, Абрамъ Никандровичъ вмѣстѣ съ супругою къ матушкѣ уѣхали. Мнѣ наказали:

— Спиридонъ пусть на черной кухнѣ почуветъ, какъ и всегда. А ты ночуй съ Домной на чистой. Помогни ей за дѣтми приглядѣть. А мы назадъ раньше, какъ завтра къ обѣду, не обернемся. Слышалъ?

Я сказалъ:

— Будьте спокойны, приглядимъ. Не въ первой намъ. Будьте благонадежны!

А тутъ какъ они уѣхали, Леночка меня къ себѣ позвала. Меня по тѣмъ бумагамъ Осипомъ звали, но она меня Сипъ-Сипомъ звала.

— Сипъ-Сипъ!—кричитъ,—пойди сюда!

Пришелъ я.

— Что тебѣ, Аленушка?

— Боюсь я...

— Чего?

— Сама не знаю чего... Боюсь только, Сипъ-Сипъ.

— А ты не бойся.

Перекрестилъ я ее, поласкалъ по головкѣ. А потомъ и Бореньку перекрестилъ и поласкалъ. Оба они ко мнѣ потянулись:

— Сипъ-Сипъ, поиграй съ нами, а то намъ страшно!

Сказалъ я имъ:

— Главно, спите крѣпче, дѣтки... Лучше тогда вамъ будетъ.

И почувалъ: кто-то на меня изъ угла отъ образовъ будто пристально смотреть. Оглянулся. Вижу: въ углу распяте, а по бокамъ: справа—Николай угодникъ, а слѣва—Пантелеймонъ цѣлитель, дѣтскій заступникъ. Лица Христа не разглядѣть, словно Онъ весь въ небо ушелъ. Николай глаза тоже къ небу поднялъ, а Пантелеймонъ на меня въ упоръ уставился. И дароносица въ его рукахъ будто заколебалась даже, точно онъ мнѣ сказать что хочетъ.

Поблѣднѣлъ я, даже духъ захватило.

Опять сказалъ:

«Главно спите крѣпче!»

И вышелъ. Домна на печкѣ легла спать, я на лавкѣ. Топоръ подъ лавку положилъ, но крѣпкое слово себѣ далъ:

«Если дѣти не проснутся, я ихъ и пальцемъ не трону».

И уснулъ я. Проснулся, когда въ зальцѣ часы одиннадцать били. Задрожалъ я и топоръ въ руки взялъ, и мозгъ въ головѣ пламенемъ обняло. Полѣзъ я, какъ кошка, на печку.

Домна и простонать не успѣла. А я самъ себя мыслью разжигать:

«Десять тысячъ мой, мой десять тысячъ».

Пошелъ къ дѣтской я. Заглянулъ въ щелку. И обмеръ. Плохо спать дѣтки. Стонутъ. Ежеминутно шевелятся. Вотъ, вотъ проснутся. Неужто, думаю, и ихъ придется... топоромъ...

Заплакалъ я вдругъ и сталъ, на колѣни опустившись, молиться Богу, чтобъ Онъ насладъ на дѣтокъ крѣпкій сонъ. Плачу и молось... и вдругъ вижу:

Вотъ вышли, дрогнувъ, изъ кивотовъ своихъ Николай Чудотворецъ и Пантелеймонъ и идутъ ко мнѣ.

Николай въ эпитрахилькѣ старенькой, вытертой, серебряной съ черными крестами. Пантелеймонъ въ шелковой ризѣ, похожей на предзакатное облако. И Николай будъ горько плачетъ, такъ что голова дергается на плечахъ. А Пантелеймонъ помертвѣлъ весь, словно не дышетъ, только глаза его

тоской безысходной затапуло. И увидѣлъ я близко лицо Николая старое и морщинистое, все залитое слезами. И зашепталъ онъ, плача, и потрясая руками:

«Возлюбите другъ-друга! Господи, Боже мой! Объ одномъ я прошу васъ: возлюбите другъ-друга! Или для васъ это тагъ трудно?»

И припалъ я къ полу. И тогда поднялъ Пантелеймонъ ногу свою и прикоснулся къ темени моему, будто что выдавливая изъ головы моей. И услышалъ я его звонкій и властный голосъ:

«Да воскреснетъ Богъ въ сердцѣ твоемъ, и да расточатся въ душѣ твоей всѣ врази Его! Спи!»

И обдало пламенемъ темя мое.

И топоръ выпалъ изъ руки моей.

И припавъ къ полу, я крѣпко уснулъ, пока меня не разбудилъ работникъ Спиридонъ...

Ваше благородіе, теперь я сказалъ правду! Ваше благородіе, зачѣмъ-же вы не вѣрите мнѣ? Ваше благородіе?»...

А. Рудичевъ.

ЧУГУННАЯ ПРОСВИРА.

Рождественскій рассказъ

А. Измайлова.

I.

— Обратите вниманіе на сію игру природы.

Я поднялъ голову и чуть не ахнулъ. Медленнымъ шагомъ, словно бы слегка припадая на одну ногу, на насъ надвигался высокій пергаментный старикъ, въ толстыхъ стариковскихъ очкахъ, сквозь которые смотрѣли измученные и мертвые глаза, безъ смысла и блеска.

Что-то злое и мертвое было въ этомъ лицѣ, съ узкими, стиснутыми губами, и мертвенное во всей негнущейся фигурѣ, не тощей, а высохшей. Старикъ держался прямо и чутко, какъ держатся скелеты въ стеклянныхъ шкапахъ, — чудится: дотронись, и онъ разсыплется.

Но въ огромной цѣпкой рукѣ, внившей въ трость, не чувствовалось ни малѣйшей дрожи и въ шагѣ не было старческой невѣрности. Точно шелъ не человѣкъ, а изумительно поддѣланный подъ человѣка автоматъ, и ухо невольно прислушивалось, — не слыхатъ-ли легкаго скрипа...

— Побѣдоносцевъ! вырвалось у меня.

— Похожъ, — согласился мой спутникъ. — Это такъ называемая у насъ «Чугунная просвира». Вотъ вы давеча искали достопримѣчательностей въ нашемъ городѣ, и вамъ не понравились ни Юсафовъ омофоръ, ни рукомыльникъ, въ которомъ мылъ руки какой-то изъ Святославичей. «Чугунная просвира» — это нашъ живой раритетъ.

II.

Широкая улица большого провинціального города была малолюдна. На каланчѣ, прямо передъ нами, ходилъ пожарный съ зонтикомъ отъ солнца. На углахъ пестрѣли саженныя афиши, возвѣщавшія о гастроляхъ какого-то Самойлова-Таврическаго. Метнулся въ глаза вывѣска — «Портной

Музыкантъ». Это была настоящая Русь, какой не поддѣлаешь, какъ не сочинишь такого тишинаго старика-уникама!..

— Это бывшій секретарь нашей консистории, Ананія Давидовичъ Скудрулъ, — продолжалъ мой собесѣдникъ. — Совѣтую: познакомьтесь, — пригодится. Оригинальный человѣкъ. Владелецъ единственнаго въ обоихъ полушаріяхъ «музея самоубійцъ».

— То есть?

— Видите ли, по старому уставу, — не знаю, какъ нынче, — самоубійцы (я хочу сказать, неудавшіеся самоубійцы) находились въ такомъ же вѣдѣніи консистории, въ какомъ и у судебныхъ слѣдователей. По разрѣшеніи въ гражданской инстанціи, всякое дѣло о неосуществившемся самоубійствѣ препровождалось въ духовную консисторію при соотвѣстной бумагѣ. Консисторіи предлагается такому-то имя-рекѣ, покушавшемуся на самоубійство преподавать «нравственное увѣщаніе» и установить слѣдующую по канонамъ эпитимію. Конечно, больше формальность. Выйдетъ въ коридоръ усталый протопопъ, которому адски некогда, скажетъ десятокъ словъ:

«Какъ же это, молъ, ты такъ, братецъ. Жизнь есть даръ Божій, а ты вонъ что задумалъ да еще безъ дозволенія начальства!..»

Возмуть съ человѣка подпску, что увѣщаніе онъ къ свѣдѣнію принялъ и отпустить его на всѣ четыре стороны. Орудія же пытки — всѣ эти револьверы, ножи, банки и стеклянки со всякой ядовитой дрянью, даже причепатанныя веревки, — все это оставалось тутъ же при консисторіи и поступало въ собственность главнаго секретаря.

III.

— Разумѣется, никакой тутъ отчетности не полагалось. На револьверы поначалу нахо-

дились охотники, но Ананія Давидовичъ съ мѣста ихъ осадилъ, на веревки же даже сто рожа не зарились, потому что это, собственно говоря, не «заправданная» веревка удавленника, которая счастье человѣку приноситъ, а ни то, ни се.

Ну-съ, и вотъ за 23 года, какъ у насъ Скудрулъ служилъ, накопился у него цѣлый арсеналъ подобныхъ смертоубійственныхъ орудій и снадобій. По сосѣдству съ кабинетомъ у него подъ это цѣлая комната была отведена, и мнѣ тамъ не разъ бывать доводилось. Довольно чудно, доложу вамъ, впечатлѣніе. Стяжки эти съ адамовой головой на косточкахъ, финскіе пожи, топоры, веревки, то тоненькія, то такія, что хоть быка вѣшай; по совѣсти сказать, вчуже становилось иной разъ препротивно и пружутко. Больно ужъ много сюда всякой человѣческой муки налипло, на всѣ эти пистолетныя дула и бритвенныя лезвія.

Ему это, должно быть, доставляло своеобразное удовольствіе. Философъ, надо полагать, былъ, и это его на размышленіе о величии смерти настраивало. Бывало, такъ и обрадуется каждой обновкѣ. Ежели въ крови, велитъ нашему сторожу къ своему уходу со службы отчистить и лучшему нашему писарю къ каждой вещи какъ бы паспортъ каллиграфическій написать:

«Покушался, молъ, на преступное самоубійство такой-то телеграфистъ или такая-то мѣщанка, мѣсяца, числа и года, лѣтъ такихъ-то, отъ нераздѣленной любви или отъ проигрыша».

И самъ собственноручно краснымъ сургучомъ ярлычекъ припечатываетъ и самолично домой снесетъ и номеромъ помѣтитъ. Иной разъ, въ лѣтній день, провожаешь его до дому, — идетъ «Чугунная просвира» и философствуетъ:

IV.

— Дѣвица, — говорить, — 19 лѣтъ. Средство — стрихнинъ. Родомъ дворянка. Злое средство! Хорошенькая, вѣроятно. Какъ вы думаете, Антонъ Петровичъ, — хорошенькая?

— Очень, говорю, возможно, Ананія Давидовичъ. — Отъ измѣны травилась, — значитъ, кто-то прежде, чѣмъ измѣнить, полюбилъ, а полюбилъ, такъ значитъ, было за что.

— Да, говорить, вѣроятно, вы правы. Вѣроятно, вы правы. Брюнеточка, — я такъ думаю. Глаза этакіе — немножко восторженные. Наслѣдственная, можетъ быть, повышенность и нервность. Маленькой, этакой дрожащей ручкой открывала эту самую пробку. Въ грудкѣ-то Везувій! Грудка-то холуномъ ходитъ. Никого въ комнатѣ. Тишина звенитъ. Ночь, конечно. Какъ вы думаете, ночь?

— Возможно, говорю, что и ночью.

— Вѣроятноже, что ночью. И вотъ самое жуткое, какъ она горлышко этой самой стекляночки ко рту подносила. Глазъ отъ нея оторвать не можетъ. Самогинозъ! И въ эту минуту, небось, всю свою жизнь вспомнила. Маленькую ласку, папенькину руку на своей головкѣ. И она еще дѣвочка, въ бѣломъ платьицѣ, къ причастію идетъ... Тяжело, Антонъ Петровичъ, — ухъ, тяжело!

Говоритъ это, а у самаго глаза масляные, и мерзопакостная улыбка губу кривитъ, и рука стекляночку любовно прижимаетъ, какъ рука алкоголика бутылку. Садистъ, что-ли, былъ — чортъ его пойметъ, али просто беллетристъ въ немъ погнбалъ, а только, какъ разстанешься съ нимъ, такъ такое ощущение, точно головастика въ молоко проглотилъ: тошнить.

— Но позвольте, причемъ же тутъ, однако, чугунная просвира?

— А это, видите-ли, особъ статья. И если угодно, я вамъ все это сейчасъ попорядку.

Старинныя русскія гаданія.

„Печать царя Соломона.“

„Случаевъ описаніе и дѣйствъ сказаніе.“

„Коло“, гадательное колесо—съ гравюры Трухменскаго.

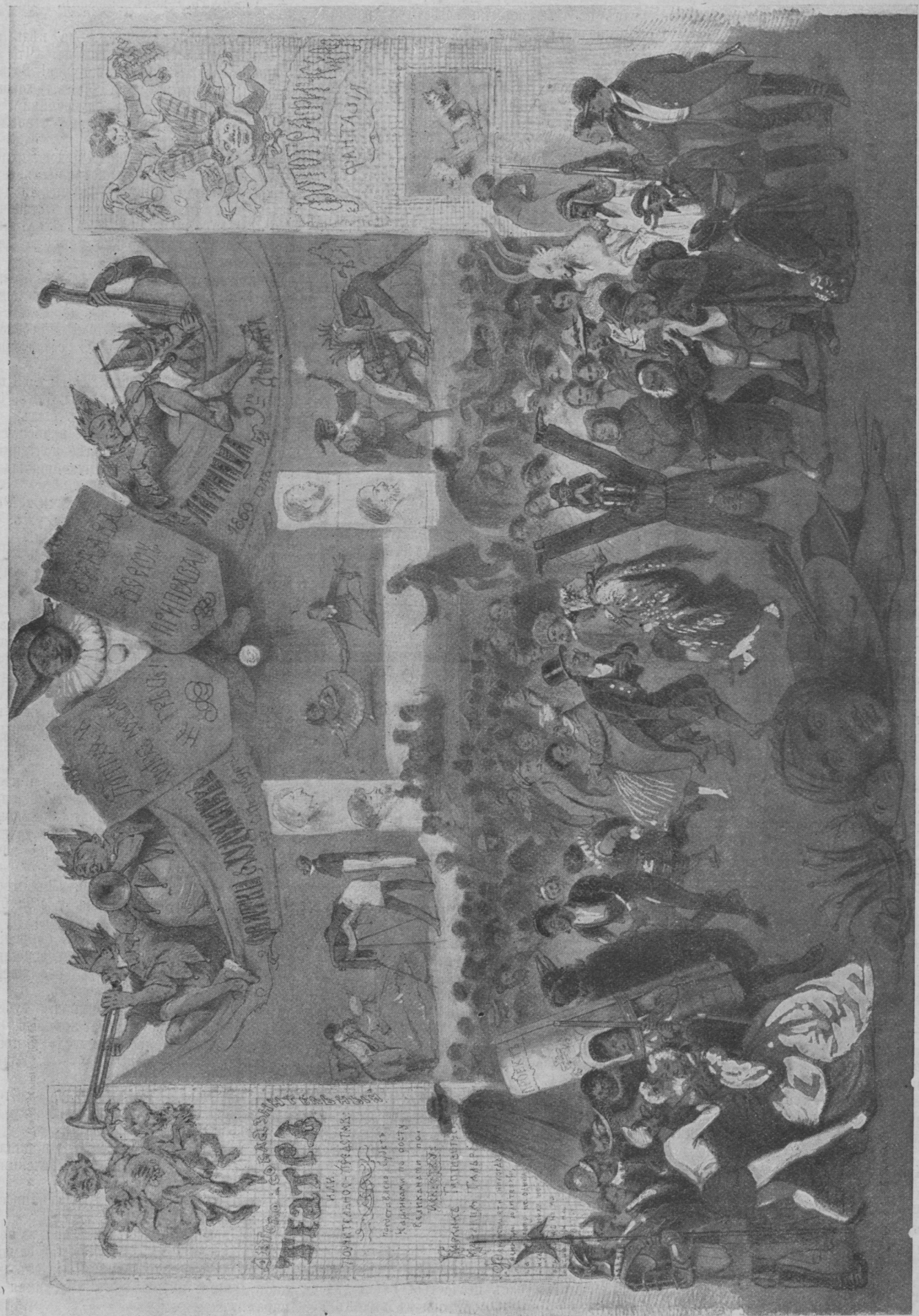

Гадательная картинка царя Соломона.

На гадательныя листы встарину бросали пшеничное или ячменное зерно; на какомъ изображеніи или притчѣ оно оставалось, то и

считалось предсказаннымъ гадающему. На позднѣйшей гадательной картинкѣ царя Соломона были помѣнены цифры до ста; въ приложенномъ къ ней

спискѣ изрѣченій гадающей находилъ туманно-нравственный отвѣтъ на задуманный вопросъ отъ имени невѣдомаго пророка.

„Святки петербургскихъ художниковъ въ 1860 году“ — съ рисунка Н. А. Зауервейда и В. Тимме.

— Дѣло это не такъ, чтобы ужъ очень давнее, однако, земская давность съ той поры прошла съ хвостикомъ. Строили у насъ въ городѣ богоугодное заведеніе. Умеръ милліонеръ-купецъ и, умирая, завѣщалъ на это все свой огромный капиталъ.

Началось все это чинъ-чиномъ. Выбрали, конечно, комиссію. Городъ у насъ, смотрите, какой,—настоящихъ людей искать не приходилось. Нашелся въ предѣдатели даже графъ одинъ, не у дѣла находившійся, а въ члены вошли и купцы именитые, и инженеръ одинъ, помѣщикъ и протопопъ соборный.

Кажись, публика все—первѣйшій сортъ, анъ—вышелъ такой срамъ, что только плюнуть да перекреститься. На бѣду, по тому времени еще такихъ деликатныхъ словъ, какъ экспроприація, изобрѣтено не было, и такъ это и пришлось полностью сказать—проворовались.

Кто тутъ коноводомъ былъ,—теперь самъ Архимедъ не высчитаетъ. Но такъ надо думать, что графъ съ инженеромъ особенно постарались, потому инженеру къ своему имѣнію надо было узкоколейную дорогу проложить, а путь шелъ по болотамъ, графъ же въ ту пору съ одной московской звѣздой запутался до того, что каждую недѣлю сталъ дважды въ первопрестольную кататься, а потомъ тамъ и вовсе засѣлъ.

Тянулось это дѣло годъ, и другой, и третій. Только, какъ это всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, разъ проснулась честная компанія и почувствовала, что ей труба и на всѣхъ шапки горять.

Въ закромахъ ни зерна, разговоръ по городу гуломъ гудеть, передъ инженеромъ—тѣ же неосушенные болота, но ужъ ни сантима въ карманѣ, у графа—голова болитъ со вчерашняго московскаго похмѣлья, а богоугодное заведеніе стоитъ на главной улицѣ безъ потолка, въ такомъ мизерномъ видѣ, что не только Богу не угодно, но и чорту въ немъ—никакой корысти. Ковали, ковали, а прямо семипудовый пшикъ вышель...

А тутъ среди рабьяго молчанія мѣстныхъ газетокъ, какъ бухнетъ вдругъ одна петербургская газета фельетономъ перваго лиха-ча-фельетониста: «Вотъ какъ современныя вавилонскія башни строятся!»—такъ у насъ всѣ и обмерли, кто даже и касательства къ дѣлу не имѣлъ.

VI.

— Дошли до глухого вѣсти. Губернаторъ, конечно, сейчасъ комиссіи запросъ. Архіерей запросъ. Изъ Петербурга запросъ и назначеніе ревизіи. Съ соборнымъ протопопомъ нервное разстройство.

«Я,—говоритъ,—дѣйствительно, виновенъ, но только въ томъ, что, кромѣ перваго учредительнаго засѣданія, я въ комиссіи ни разу не былъ, а подписывалъ не знаю что. Ежели,—говоритъ,—они тамъ «Отче нашъ», за милую душу, не разъ подписывали, такъ я, можетъ быть, и «Отче чашъ», за милую душу, не разъ подписывалъ. Хулу на начальство—и ту подмахивалъ».

Бросились къ журнальнымъ книгамъ,—тамъ, дѣйствительно, если не «Отче нашъ», такъ дважды два—семьдесятъ четыре.

Осса на Пеліонъ-съ! Знаете, какъ иногда мальчуганы въ школѣ отвѣтъ по задачнику подгоняютъ. Линь бы концы съ концами зашлись, а въ серединѣ—хоть гречневая каша!

Были тутъ въ городѣ нашемъ плачь, и рыданіе, и вопль многъ. Сунулись туда и сюда за деньгами,—ничего не вышло. Растерялись наши первачи, и грозила имъ

всѣмъ и потеря имѣній, и разжалованіе и, можетъ быть, даже далекая Владимірка...

VII.

— Въ эту самую минуту, когда графъ рвалъ на себѣ остатки волосъ, а графиня пребывала въ обморокѣ, и пошла вдругъ въ ходъ наша «Чугунная просвира».

Графъ-ли къ нему въ отчаяніи притекъ, самъ-ли онъ къ графу заявился, только очутились они вмѣстѣ передъ графскимъ столомъ.

— Невозможно,—говоритъ Скудрулъ,—чтобы вамъ спасенія не было. Тутъ, говоритъ, надо только хорошо подумать.

— Чего же тутъ думать, когда все это дѣло въ шнуровыхъ книгахъ прописано!

— А вы, говоритъ, все-таки позвольте мнѣ подумать.

Думалъ Ананія Давыдычъ до вечера, а вечеромъ опять къ графу.

— Можно, говоритъ. Только это копѣйка въ копѣйку пять тысячъ стоитъ будетъ и, можетъ быть, на верховытку еще тысячука понадобится.

Собрался синедрионъ. Никто, конечно, Скудрулу не вѣрить. Похвастать,—не травы покосить.

— Какъ же, спрашиваютъ, вы это сдѣлаете?

— А это ужъ мой секретъ.

— Вы же специалистъ по убійственнымъ дѣламъ да по бракоразводной канители, а здѣсь-то вы при чемъ?

— Тутъ,—отвѣчаетъ,—я долженъ буду тоже одно самоубійство продѣлать, но надъ самимъ собою,—вы не опасайтесь.

Въ концѣ концовъ поладили и представили «Просвирѣ» орудовать. «Просвира» говорить:

— Я отъ васъ одного прошу. Пришлите вы всѣ эти шнуровыя книги и журналы ко мнѣ, будто вы меня на провѣрку пригласили. Только сдѣлайте это такъ, чтобы эти степенные люди видѣли,—ну, нотариусъ, что-ли, отецъ протопопъ, еще кто-нибудь

— А дальше что?

— А дальше,—извините,—мнѣ очень некогда. Я 25-го декабря въ самый день Рождества Господа Нашега Иисуса Христа у себя елочку устраиваю,—«древо искупленія», и почтенныхъ городскихъ людей созываю, такъ мнѣ всѣхъ оповѣстить надо.

VIII.

— И были у Ананія Давыдыча пиръ и веселіе веле.

Жилъ онъ съ какой-то вдовой племянницей, а у той дѣвочка махонькая, такъ лѣтъ пяти-шести бѣгала. Скудрулъ и ту, и другую своимъ гостямъ представилъ.

— Хорошая, говоритъ, дѣвочка, только шалунья большая. Въ прошломъ мѣсяцѣ мою бобровую шапку въ пустую печку закинула,—счастье, прислуга увидѣла. Не хорошо, Сонечка, не хорошо, дѣточка!..

Молодежь около елки въ игры играетъ, въ кабинетѣ у горячаго камина старички судачатъ. Народу полно въ домъ,—вся консисторія, исправникъ, архіерейскій секретарь, честной причтъ церковный.

Только какъ всѣ за столъ сѣли, какъ-будто откуда горѣлымъ потянуло. Барыни на свои подолы съ безпокойствомъ смотреть, кавалеры съ мѣстъ повскакали. Не елка ли вспыхнула? Нѣтъ.

Сунулся кто-то въ кабинетъ и выскочилъ неистово.

— Ананія,—кричитъ,—Давыдычъ! Скорѣй сюда! У васъ несчастье! Ваша дѣвочка какія-то книги и бумаги въ каминъ побросала!

Выскочили всѣ, смотреть—правда. Въ каминѣ какая-то огромная книга горитъ,—одинъ переплетъ остался, на полу дотлѣвающіе листы разбросаны, а Сонечка, младенецъ несмышленочекъ, сидитъ на дѣтскомъ

стуликѣ, тоненькими ножками подрыгиваетъ и, какъ Неронъ, симъ зрѣлищемъ любовается.

IX.

— Скудрулъ, какъ вѣжалъ, такъ и остолбенѣлъ.

— Боже мой!—кричитъ:—да вѣдь это она строительные отчеты сожгла. Что она со мной сдѣлала! Ахъ, мнѣ дурно! Воды!..

— И такъ на землю и сѣлъ,—хорошо, что не навзничъ упалъ. Глубочайшій, изволите видѣть, обморокъ. Насилу отпоили и въ чувство привели.

Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою, и пока клещи доставали да за нашатырнымъ спиртомъ для Ананія бѣгали,—каминъ-то даже потускнѣлъ. Только тоненькую стопочку, безъ начала и конца, изъ него выхватили, а въ шнуровой книгѣ только какія-то верхушки спаслись.

Ананія Давыдычъ, какъ въ себя пришелъ, такъ первымъ долгомъ къ себѣ Сонечку потребовалъ.

— Ахъ, ты, говоритъ, негодный ребенокъ! Погубилъ ты по неразумію собственнаго своего благодѣтеля.

И собственноручно ушко ей при всей публикѣ преболно отодралъ. А потомъ, благо тутъ исправникъ случаемъ былъ, попросилъ все это прискорбною проишествіемъ запротоколировать, и отъ наиболѣе почтенныхъ гостей слабымъ голосомъ рукоприкладства попросилъ.

На «древѣ же искупленія» свѣчи всѣ сейчасъ же погасили,—до елки ли ужъ, въ самомъ дѣлѣ, при такомъ огорченіи.

X.

— Ну, само собой, у насъ только ахнули, до чего человѣколюбно Господь Богъ все это въ своей премудрости строилъ!

Комитетскіе наши воскресли, а Ананія Давыдычъ въ великомъ удрученіи и чуть что не посыпавъ голову пепломъ, сейчасъ же въ Питеръ помчался «дѣло улаживать». Тысяченку ему на соотвѣтствующіе расходы соорудили, а прѣхавшей ревизіи пришлось обгорѣлымъ переплетъ посмотреть да устными показаніями заказчиковъ и подрядчиковъ удовольствоваться.

Само собой, комитетъ слетѣлъ, и кто на службѣ находился,—право службы впредь навсегда потерялъ, но всѣ это приняли съ великимъ сердца смиреніемъ, яко должное. То-ли бы еще быть могло, да не хочеть Богъ смерти грѣшника!..

Ананія Давыдычъ такъ черезъ мѣсяцъ вернулся и, конечно, засталъ у себя бумагу, отрѣшавшую его отъ службы. И онъ это принялъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Промолвилъ только: «что же возьмешь съ ребенка несмышленочка» и даже ушей на этотъ разъ Сонечкѣ не тронулъ.

Сдѣлалъ онъ было визитъ къ губернатору,—губернаторъ его не принялъ. Поѣхалъ къ архіерею «объясниться» и просвиру ему полторафунтовую повезъ. Владыка его тоже видѣть не пожелалъ.

— Ну, такъ,—говоритъ,—передайте его преосвященству вотъ эту просвирочку. Я ее за его здравіе и Исаакія подавалъ.

Но владыка и просвиры не принялъ, а выслалъ ее ему обратно съ келейникомъ и сказать приказалъ:

— Я, говоритъ, до чугунныхъ просвиръ не охотникъ.

Просвирочка-то, дѣйствительно, за недѣлю сильно зачерствѣла... Вотъ съ той самой поры, по владычному почину, и нѣтъ ему у насъ другого имени, какъ «Чугунная просвира»...

А. И. Мамлоу

(См. рисунки на стр. 1-й).

На заглавной страницѣ этого нумера «Огонька» воспроизведены сцены изъ русскихъ святокъ, въ превосходныхъ рисункахъ академикомъ А. Шарлеманя и В. Тимма, исполненныхъ въ 1862 г. Большой рисунокъ слѣва изображаетъ за-снующую передъ зеркаломъ дѣвушку-малороссіянку; дѣвушка, льющая воскъ, представлена въ нарядѣ Вѣлозерскаго уѣзда, Псковской губерніи; женщины, гадающія съ курицей, — въ костюмахъ Псковской губерніи; опускающія въ воду кольца и бросающія башмаки—женщины и дѣвушки Воронежской губерніи. Гаданіе съ зеркаломъ принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Дѣвушка въ пустой комнатѣ разстилаетъ на столѣ скатерть и ставитъ на него зеркало и одну или двѣ свѣчи. Въ полночь гадающая запираетъ двери и окна, садится за столъ и говоритъ: «Суженый, ряженый, приди ко мнѣ ужинать!» Когда пристально смотрящей въ зеркало дѣвушкѣ покажется, что черезъ плечо ея глядитъ суженый, она должна спросить: «Какъ звать?» Суженый сказываетъ свое имя и вынимаетъ изъ кармана кольцо или перстень. Въ этотъ мигъ дѣвушка должна произнести: «Чуръ моего мѣста! чуръ моей загадки!» Если гадающая сробѣетъ и не зачураетъ, суженый производитъ разныя проказы. Въ Сибири ставятся другъ противъ друга два зеркала, одно большее, другое поменьше; дѣвушка по-мѣщается между ними, обращаясь лицомъ къ большому зеркалу, зажигаетъ передъ нимъ двѣ свѣчи и очерчивается лучиною, которою былъ зажженъ огонь въ сочельникъ. Сначала зеркало подергивается, говорятъ, туманомъ, потомъ мало-по-малу проясняется, и въ немъ обрисовывается суженый, смотрящій черезъ плечо гадающей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи гадающія дѣвушки выходятъ на перекрестокъ, наводятъ зеркало на мѣсяцъ и говорятъ: «суженый, ряженый, покажись мнѣ въ зеркалѣ!» Суженый, являясь на призывъ, показывается.

Гаданіе посредствомъ литья принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ; у грековъ оно называлось керомантіей. Льютъ воскъ, олово, свинецъ, серебро и даже золото. Растопивъ воскъ или олово, выливаютъ въ воду и по вышедшимъ фигурамъ толкуютъ судьбу. Видъ дома означаетъ перемѣну жилья, церковь—обрученіе, ямы, пещеры и гробъ—смерть и т. п. При гаданіи съ курицей, каждая изъ гадающихъ приноситъ по курицѣ въ горницу, гдѣ заранѣе приготовлены въ трехъ чашкахъ вода, хлѣбъ въ зернѣ и кольца. Чья курица будетъ пить воду—той мужъ будетъ пьюща, чья приметъ за хлѣбъ—у той мужъ будетъ бѣднякъ; тронувшая золотое кольцо предвѣщаетъ богатаго суженаго, серебряного—ни богатаго, ни бѣднаго, а сдвинувшая съ мѣста мѣдное—нищаго. Подблюдное гаданіе производится однѣми дѣвушками, которыя, взявъ блюдо съ водою, кладутъ въ него сначала хлѣбъ и соль, потомъ вынутую изъ печи глину и уголь и, наконецъ, вещи гадающихъ, вынимаемая изъ покрытаго блюда послѣ окончанія каждой изъ пѣсень, раздѣляемыхъ гадающими. Значеніе пѣсенъ относится къ тому лицу, которому принадлежитъ вынутая вещь, и служитъ предзнаменованіемъ будущаго. Пѣсни весьма разнообразны: къ скорому замужеству, къ свиданію, къ замужеству съ ровней, съ чиновнымъ, къ сватанію, къ бѣдности; молодцамъ—къ женитьбѣ, къ болѣзни и т. п.

При гаданіи посредствомъ «бросанія башмаковъ», обувь бросаютъ черезъ ворота на улицу и потомъ выходятъ смотреть: куда башмакъ обращенъ носкомъ, въ той сторонѣ гадающей быть замужемъ; если-жъ башмакъ повернулся носкомъ къ воротамъ дома, то въ этотъ годъ гадальщица не выйдетъ замужъ.

Къ славянамъ перешли отъ различ-

ныхъ народовъ всевозможныя гаданія: авгуорологія (гаданіе по полету птицъ), аэромантія (по состоянію воздуха), астрологія (по теченію планетъ и созвѣздіи), антропомантія (по внутреннимъ частямъ тѣла), гороскопія (по жертвамъ животныхъ), гидромантія (по движенію и цвѣту воды), гонтія (вызываніе духовъ и тѣней умершихъ), дактиломантія (узнаніе враговъ), кабалистика (значеніе таинственныхъ словъ), кайноматія (гаданіе по жертвенному дыму), катоптромантія (по зеркалу), керомантія (по воску), клеромантія (по шарикамъ), лекомантія (водою), ливаномантія (по куренію душистыхъ веществъ), метеоромантія (по воздушнымъ явленіямъ, грому и молніи), мистагонія (по изыясненію призраковъ), міомантія (по пisku и прожорству мышей и крысъ), некромантія (вызываніе духовъ изъ заколдованныхъ тѣлъ), онихомантія (по ногтямъ), ооскопія (по яйцу), прогностикомантія (по примѣтамъ), тератоскопія (по рожденію уродливыхъ животныхъ), тэфраномантія (по золѣ) и мног. друг. Кромѣ того, существовали гадательныя книги и тетради, подъ общимъ названіемъ «Рафли».

Ассамблея въ Петербургѣ.

(См. рисунки на стр. 8—9).

Первая мысль объ «ассамблеяхъ» возникла въ умѣ великаго преобразователя русской земли около 1717 года, во время пребыванія въ Парижѣ. Указъ Петра I, объ ассамблеяхъ, объявленный 26-го ноября 1718 года петербургскимъ генералъ-полицеймейстеромъ Девьеромъ, былъ изложенъ въ слѣдующихъ семи параграфахъ:

«Ассамблея, слово французское, котораго на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, но обстоятельно сказать, вольно въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается, притомъ же и забава.

1) Въ которомъ дому имѣетъ ассамблея быть, то надлежитъ письмомъ или инымъ знакомъ объявить людямъ, куда вольно всякому придти, какъ мужескому полу, такъ и женскому.

2) Ранѣе 5 или 4 часовъ не начинается, а далѣе 10 пополудни не продолжается.

3) Хозяинъ неповиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать, и не точію вышеписанное не повиненъ чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; но токмо повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребительное въ жажду, кто попроситъ, игры на столахъ употребляемыя.

4) Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто захочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть, сколько кто похочетъ и отъѣхать воленъ, когда захочетъ.

5) Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть и въ томъ никто другому прешкодить или унимать; также церемоніи дѣлать вставальемъ, провозаньемъ и прочимъ отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ Великаго Орла, но только при приѣздѣ и отъѣздѣ поклонно почтѣть должно.

6) Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ офицеровъ, до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, также и знатымъ приказнымъ; тожь разумѣется и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дѣтей.

7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартанменты не входить, но быть въ сѣняхъ или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ; такъ же въ астеріи, когда и въ прочихъ мѣстахъ будутъ балы или банкеты, не вольно вышеписаннымъ служителямъ въ тѣ апартанменты входить, кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ».

Упомянутый въ указѣ штрафъ «Великаго Орла» означалъ большой бокалъ, осушенію котораго подвергался нарушившій чѣмъ-либо правила ассамблеи. «Австерія», о которой говорится въ седьмомъ пунктѣ, помѣщалась въ одноэтажномъ домѣ близъ Троицкаго моста, на Петербургской сторонѣ; она служила одновременно клубомъ и кафе-рестораномъ.

Первая ассамблея, 2-го декабря 1718 г., состоялась у самаго императора, послѣдующія (6-го, 7-го, 9-го, 11-го, 16-го декабря) у гофмаршала Олсуфьева, генералъ-адмирала графа Апраксина, тайнаго совѣтника Толстого, канцлера графа Головкина, вице-канцлера Шавфирова и др. знатныхъ лицъ.

Первое обстоятельное описаніе ассамблей находится въ дневникѣ голштинскаго камеръ-юнкера Бергольца. По его словамъ, 25-го іюня 1721 года, въ день коронаціи Петра, онъ въ пять часовъ дня поѣхалъ въ Лѣтній садъ, на ассамблею. «Тамъ, — говоритъ Берголецъ, — у красиваго фонтана, сидѣла ея величество царица въ богатѣйшемъ нарядѣ. Взоры наши обратились на старшую принцессу (дочь Петра, цесаревну Анну Петровну), бронетку, прекрасную, какъ ангелъ: цвѣтъ лица, руки и станъ ея чудно хороши; она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ. По лѣвую сторону царицы стояла вторая принцесса, блѣлая, съ удивительно нѣжнымъ цвѣтомъ лица (цесаревна Елисавета Петровна). Платье ихъ было безъ золота и серебра, изъ двуличневой, красивой шелковой матеріи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугомъ, и были причесаны по новой, французской модѣ. Голштинскій гость обратилъ особенное вниманіе на княгиню Черкасскую, первую при Дворѣ красавицу. Онъ насчиталъ до тридцати хорошенкыхъ дамъ, не уступавшихъ германскимъ въ привѣтливости, хорошихъ манерахъ и красотѣ. Берголецъ сознается, что вовсе не ожидалъ, чтобы русской Дворъ былъ такъ великолѣпенъ. Понравились ему также и танцы: менуэтъ, польскій и «англезъ». Императоръ, обыкновенно, послѣ первыхъ танцевъ, уходилъ къ мужчинамъ и оставался съ ними во все время бала.

Маскарадъ у художниковъ.

(См. рис. на стр. 13).

Сложный рисунокъ академикомъ Зауервейда и В. Тимма изображаетъ наиболѣе любопытные эпизоды маскарада, устроеннаго петербургскими художниками 9-го декабря 1860 года. Дамы на этотъ вечеръ не допускались. Въ видѣ дамы съ вороньей головой, которую увлекаетъ испанецъ, изображенъ извѣстный профессоръ скульптуры, баронъ Клодтъ; толстый степнякъ въ очкахъ съ раздѣвающимися сѣдыми волосами — проф. Соколовъ. На первомъ планѣ — оригинальный господинъ въ чулкахъ, башмакахъ и длинномъ фракѣ — знаменитый актеръ В. В. Самойловъ; растрепанная помѣщица въ шали — академикъ Трутовскій. Проф. Брюловъ фигурировалъ въ костюмѣ католическаго монаха съ капюшономъ на головѣ. Поэтъ: Шербина — въ греческой фескѣ, Полонскій — съ бородой. Танцы прерывались импровизируемыми на сценѣ интермедіями, о которыхъ было объявлено двумя огромными афишами, рисованными Зауервейдомъ и Микѣшинимъ. Первая гласила, что на сценѣ будетъ разыгранъ «Фотографическая фантазія», въ которой роль хвастуна-фотографа исполнялъ писатель Григоровичъ. Афиша Микѣшина объявляла о «Дѣтско-соблазнительномъ театрѣ, или поучительномъ представленіи карликовъ по росту, по великановъ по искусству». Верхніе планы этихъ афишъ изображены по обѣимъ сторонамъ воспроизводимаго нами рисунка.

Первый всероссийский женский съезд в залъ Спб. городской думы.
10-го декабря с. г.

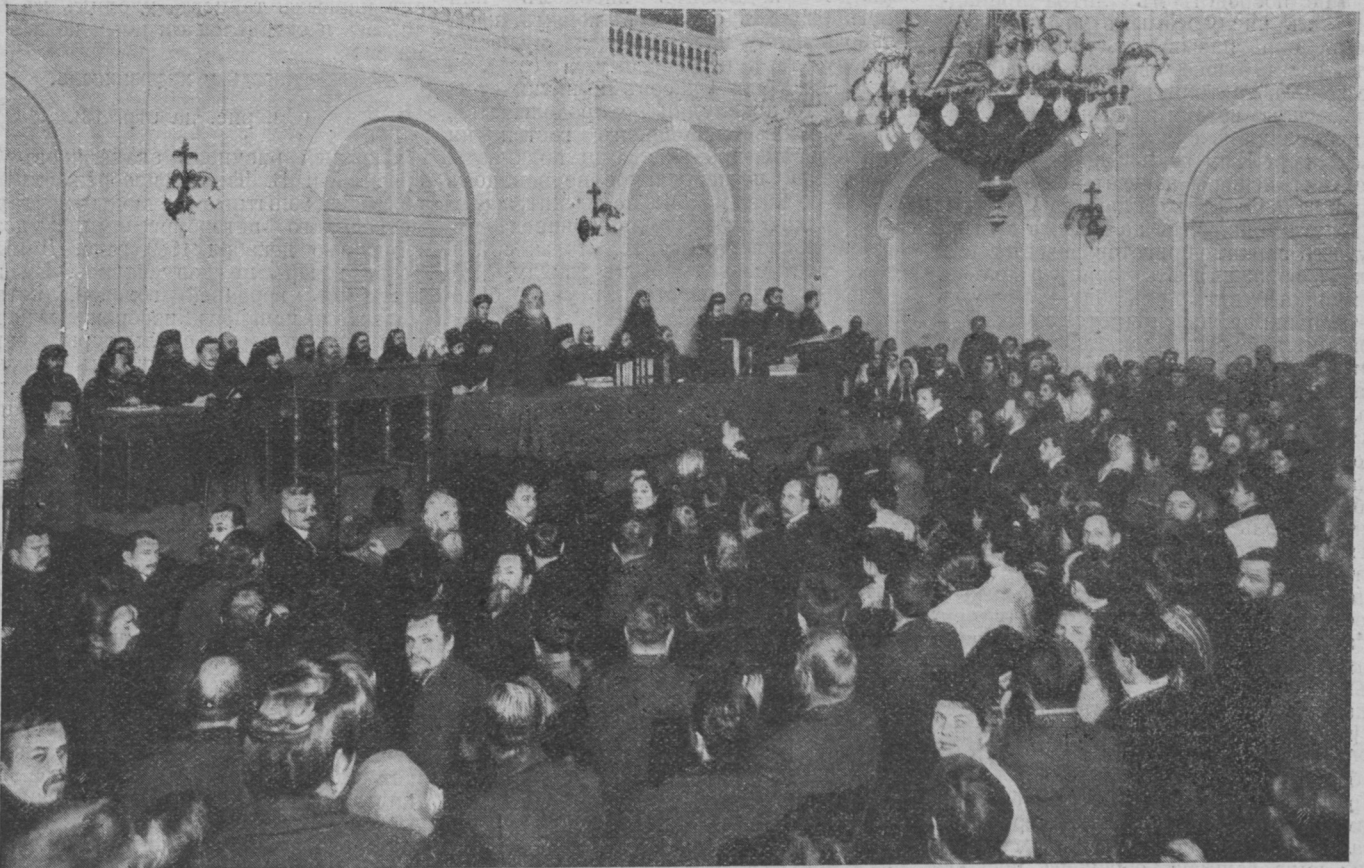
Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булла.

Группа президума и участницъ съезда.

Собесѣдованіе старообрядцевъ въ залъ Калашниковской хлѣбной биржи въ Спб.
9-го декабря с. г.

Со снимка фотографа журнала „Огонекъ“ В. К. Булла.

Синодальный миссіонеръ, о. К. Крючковъ произноситъ рѣчь, въ присутствіи архіепископа волынскаго и житомирскаго Антонія.

ТЕПЛЫЕ ВАРЕЗЫ, ЖИЛЕТЫ, РЕЙТУЗЫ, ДАМСКИЕ И ДЕТСКИЕ ТРИКО, КОМБИНАЦИИ, ГАМАШИ, НАКОЛБНИКИ И ПРОЧ.
Ю. Готлибъ, Владимирский, 2, уголъ Наскаго.

! ДЛЯ ДѢТЕЙ !
ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ
Вы найдете въ институтѣ учебныхъ пособій, Спб. Казанская 14. „Песталоцци“.

несите свои ГРАММОФОНЫ
въ починку
ТОЛЬКО ВЪ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО
„Меркурь“, Спб., Троицк. 38. Тел. № 258-00
Долголетн. практ. механиковъ, спец. провѣркааппарат. Новые граммоф. изготовляетъ самой наилучш. русск. техникой по сам. деш. фабр. цѣнѣ. Пластинки разн. фабрикъ отъ 50 к. и до р., старья примим. въ обменъ на новыя, допускаетъ разср. платежа.

МЕДИЦИНСКОЕ
СЪРНО-ДЕГТЯРНОЕ МЫЛО
ИЗЪ БЛАГО ДЕТЯ, ПРИГОТОВЛЕННОЕ НА ФАБРИКѢ Т-ВА
„Р. Келлеръ и К.“
по рецепту и указаніямъ
профессора
А. И. Постолова.
Мыло это можетъ быть съ пользою употребляемо, по указанію гг. врачей, при всякъ тѣхъ болязняхъ кожи, кои сопровождаются зудомъ, усиленнымъ отдѣленіемъ кожного жира и шелушеніемъ. Поэтому его можно употреблять для мытья головы при СУХОЙ СЕБОРРЕѢ или для удаленія такъ наз. „ПЕРХОТИ“ головы и другихъ мѣстъ (seborrhoea facis), часто сопровождающейся выпаденіемъ волосъ, при ЖИДКОЙ СЕБОРРЕѢ (seborrhoea oleosa) лица, сопровождающейся отдѣленіемъ жидкаго жира, придающаго кожѣ особый МАСЛЯНИСТЫЙ БЛЕСКЪ и появленіемъ УГРЕЙ (acne vulgaris) и САЛЬНИХЪ ПРОБОКЪ (comedo). Кромѣ того сѣрно-дегтярное мыло можетъ быть примѣняемо при ЖЕЛТОМЪ ШЕЛШЩАЩЕМСЯ ЛИЦѢ (rhithyriasis venicolor) КОЖНОМЪ ЗУДѢ (pruritus) и ПУСЫХЪ (prurigo) Цѣна 40 коп.
ПРОДАЖА ПОВСЕОБЩНО.
Смѣсь у Р. Келлеръ и К., Москва, Средн. Торг. Ряды

КД. ОБЩ. В. Ф. СТИЛЬНОЙ МЕБЕЛИ бывш.
ЩЕРБИНСКАГО и К. Тренеровскаго.
Морская №33, телефон. №229-53.

КРЕСКО
ДЛЯ РАЩЕНІЯ ВОЛОСЪ

ТОВАРИЩЕСТВО
ГИГИЕНА
въ С П Е Т Е Р Б У Р Г Г Е

Оптовая продажа у Товарищества С.-Петербургскаго ТЕХНО-Химическаго Лабораторія.

Предл. громадн. выб. загран. и русск. фабрикъ
КОВРОВЪ, МЕБЕЛЬНЫХЪ МАТЕРІЙ
драшировокъ и т. п. во всѣхъ стиляхъ
— ПО ФАБРИЧН. ЦѢНАМЪ —
Постоян. декор. выстав. прос. осмотръ.

НОВООТКРЫТЫЙ ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
КОВРОВЪ и МЕБЕЛЬНЫХЪ МАТЕРІЙ.
„MAISON D'AUBUSSON“
Морская, 23, уголъ Гороховой.
Телефонъ № 284-55.

НОВОСТЬ
ДЛЯ ЦѢНИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ
„КСИЛОДОФОНЪ“
граммоф. тонарь и рупоръ изъ ГЛУТАГУ ДЕРЕВА по принц. устр. скрипки.

Патентовано въ Россіи и мног. др. странахъ. Дерево не имѣетъ собственнаго звука, а потому нѣтъ металлическаго привзвукъ и получ. полная иллюзія натуральн. исполненія. Имѣются отдѣльно приспособленія, подходящія къ аппарату любой величины, и комплектныя аппараты по разнымъ цѣнамъ.
Торговцевъ просятъ требовать спеціальнаго каталога „КСИЛОДОФОНЪ“ у Торг. Дома „СЕВЕРИНЪ и Ко“ С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 20.

ШВЕДСКОЕ БѢЛЫЕ
„КОМПОЗИЦІЯ“
Безвредно!
Элегантно!

ворота 75 к.
манж. р. 1,50
манж. р. 1,00
манж. р. 1,20
Опт. въ розн. Пр-кур. безпл.
СПБ. Р. Наумовъ, Вознесен. пр., 13

ПЕРЕВОРОТЪ
Бархатная игла «Маркони» для граммофона даетъ пріятн. бархатн. и одновременно сильн. звукъ. Одна игла для 10 пластинокъ и, благод. особ. композ., совершенно не портитъ пластинокъ. Кажд. пакетъ снабж. портр. «Маркони» и plomb. Т-ва по перв. требов. образецъ безплатно. Цѣна пакета (100 шт.) одинъ рубль. Главн. складъ С.-Петербургъ, Литейный пр., № 58. Утвержд. въ Россіи Товарищество „Фонограмма“.

ЧАСЫ ВИНТЕРЪ.
Требуйте полный каталогъ карман., стѣн. и другихъ часовъ
Торгов. дома
Фридрихъ ВИНТЕРЪ.
Фабрика башенныхъ часовъ. Невскій проспектъ 78-51.
Сущ. съ 1867 г. Спб.

!!!ИЗЯЩНАЯ СВѢТОПИСЬ!!!
Увелич. роскошн. портр. со всевозм. фот. карт., 10 на 12 верш., въ англ. пасп. и узорч. багет. рамъ, съ уаук., 3 р. Акв. худ. краск. — 4 р. Прому убѣдъ въ добр. исполн. Пересылка заказч. исполн. въ 15 дней. Ателье Свѣт. топ.: Спб., в. М. Леонова, Невскій пр. 147, кв. 53.

ЛЕОНАРДИ
въ Спб. Пассаажъ 53.
БРИТВЫ
и полныя бритвен. приборы исключительно лучшихъ качествъ.
Цѣны весьма дешевыя.

КАКАО
ЭЙНЕМЪ
САМЫЙ ЗДОРОВЫЙ
УКРѢПЛЯЮЩІЙ
ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ и ИГРЪ.
ОСНОВАНА въ 1873 г.
Восемнадцать наградъ на выставкахъ Золотыя медали: въ Москвѣ въ 1896 и на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 г.
Учебныя пособія, игры и занятія, игрушки и книги, волшебн. фонари и Троицкая, 9. — картина. — Телеф. 52-16.

Т/д. Ю. и О. КУРОВСКІЕ и К°.
БРОНЗОВЫЯ ВАЗЫ, ФИГУРЫ, ИМ. САКСОНСКАЯ ЯПОНСКІЕ теплыя ДАМСКІЕ ХАЛАТИКИ и КУРТЧОКИ англійскаго фасона.
ВІЮХЪ Роскошн. КУКЛЫ.
ПРАШОРНЫЯ ТЕРРАКОТОВЫЯ и блеквѣтъ фигурки. ДАМСКІЕ кушачи, пряжки, перчатки, духи, сумочки, ношелъни.
Отдѣл. Худож. и Спортъ, ЛИТЕЙНЫЙ, 11.
Глав. магаз. Спб., Морская, 22.
Отдѣленіе хозяйственныхъ принадлеж. Спб., Казанская, 34.

Т-во **А. РАЛЛЕ и К°**
ПРЕДЛАГАЕТЪ
— всѣ —
ЦВѢТОЧНЫЕ
О-ДЕ-КОЛОНЫ

въ НОВЫХЪ
= ФЛАКОНАХЪ =
съ хрустальной пробкой
и художественно исполн.
— ЭТИКЕТОМЪ —
ЦѢНА ЗА ФЛАН. 1 Р.

ВНИМАНИЮ ДАМЪ!
ТЕПЛЫЯ
 вязанья и трикотажныя фуфайки, фигаро, бѣл. жакеты, комбиняи, фуфайки съ панталон, и рейтузы съ гамашами, чулки, галоши, перчатки, панталоны, юбки и проч. предм.

Ю. ГОТЛИБЪ,
 Владимірска. пр., 2, уг. Невскаго. Телеф. 49—36.

ДЛЯ МУЖЧИНЪ!
 жилеты, бѣлье, трико, галстуки, перчатки, кашнѣ и друг. всевозможн. принадлежноти мужского туалета.

ЖЕНЫ! МАТЕРИ! СЕСТРЫ! **ЛУЧШІЙ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПОДАРОКЪ**

Т. деф. 32—06.

Вы сдѣлаете Вашиѣ близннѣ, дая иль 1 фунтъ чуднаго табака „ОЛИМПЪ“ за 3 р. 20 к., 4 р. 40 к., 6 р. Исключительнаа продажа „Хрымъ-Хавказъ“ Сиб., Литейный пр., д. 21. Высылаемъ даже по телеграфу. затребованію.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОАЗИС
Колонъ ВЕРА-ВІОЛЕТТА
 „ГИГИЕНА“
 С-ПЕТЕРБУРГЪ

«Оптовая продажа у Товарищества С.-Петербургская ТЕХНО-Химическая Лабораторія».

АРОМАТИЧЕСКІЯ ЛЕПЕШКИ
 для КРѢКИХЪ НАПИТКОВЪ и ЛИМОНАДОВЪ
ГЛЕШКИ и ВИДНЕРЪ.
 Фабрика С.-Петербургъ, Стремянная улица, № 22.
 Прод. по всѣмъ аптекар. маг. Обращайте вниманіе на „фирму“.
 ЦѢНА: Водочныхъ и Ликерныхъ по 15 коп. Лимонадныхъ по 10 коп.

Только по 31-е декабря с. г.
ВЪ МАГАЗИНЪ СѢВЕРНАГО ТОРГОВАГО Т-ВА
 Невскій проспектъ, д. № 28 (К° Зингеръ).

Телефонъ № 87—36. **РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДЕНЕВАЯ ПРОДАЖА.** Телефонъ № 87—36.

ТРИКО—НОВОСТЕЙ
 купонами и отъ кусковъ и ИНОСТРАНН. ПЛЕДОВЪ, ОДѢЯЛЪ, ВЕЛЪВЕТА, ПЛЮША и пр. по пониженнымъ цѣнамъ.

КЛАДОВАЯ—внутри Гостиннаго Дв ра. № 147-8. Телефонъ № 33-42.

ПЛАСТИНКИ

„ФОНОТИПІЯ“
 „ФОНОТИПІЯ“—искусство. „ФОНОТИПІЯ“ имѣетъ только артистовъ всемірной извѣстности. Нѣкоторыя цѣны понизимы, чтобы сдѣлать доступными эти пластинки ВСѢМЪ.
 Торговцевъ просить обращаться въ Торговую Дому „СЕВЕРИНЪ и Ко“, СІБ., Чернышевъ пер., 20.

„Забава и наука“
 СІБ. Караванная ул., № 2. Игрушки, игры, учебн. пособия, слѣпочный базаръ, ордена и др. котильонъ 11

ВНИМАНИЕ!
КАМАРИНЪ ВЕРНГОФА
 издавна испытанная, натуральная, питательн. мука для дѣтей, малокровныхъ и слабыхъ, также для взрослыхъ, организмъ которыхъ потерпѣлъ ущербъ отъ чрезмѣрноа работы или тяжелой болѣзни. КАМАРИНЪ продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магазиннахъ достаточно одного опыта, чтобы убѣдиться, что Камаринъ сдѣдуетъ предпочесть дорогимъ иностраннымъ препаратамъ.
 ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ Енатеринскій каналъ, 65.
 Джешъ Германъ. Тел. 292-11

КИПЯТИЛЬНИКИ
„СИМПЛЕКСЪ“
 НОВѢЙШАГО Усовершенствованія ПАТЕНТОВАННЫЕ благодаря своей ОСОБОЙ КОНСТРУКЦИИ кипятятъ воду въ большомъ количествѣ въ самое короткое время при экономіи въ топливѣ въ 80%. Могутъ безъ всякаго приспособленія КИПЯТИТЬ ВОДУ ВЪ ЛЮБОЙ ПОСУДѢ—ВЕДРАХЪ, ЧАНАХЪ, ВОЧКАХЪ, ВАННАХЪ и т. п. Примѣнны для установокъ ВЪ ЧАЙНЫХЪ, СТОЛОВЫХЪ, БОЛЬНИЦАХЪ ВЪ ДОМАХЪ (для ваннъ) и приспособленные на рессорныхъ тѣлѣжкахъ для развоза.
 По цѣнѣ значительно дешевле существующихъ, но не вполнѣ соответствующихъ цѣнъ. Особенно важно въ настоящее эпидемическ. время. Цѣна отъ 30 до 100 р., вмѣстимостъ отъ 4 до 30 вед. Имѣются на складѣ и демонстрируются въ Технической конторѣ
Ф. ДЕСЛЕРЪ и КРОССЪ.
 Невскій, 135. Тел. 99—98.

НОВОСТЫ!
ДЛЯ БЛІЗНЫ
ЛИЦА
 СІБ. ПИЖИМОВА ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

отъ ЗАГАРА мыло ЖЕРМЕНЬ. Имѣющимъ веснушки, угри и вообще не чисто и блѣлое лицо сдѣдуетъ, освѣживши лицо чистой водой, дымываться этимъ мыломъ утромъ и вечеромъ. Цѣна на ск. П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2, не менѣе 1/2 дож. 1 р. 50 к., черес. нач. плат. Требуется на Кукъ свид. 3131
 СІБ. Фонтонка, 60. Антик. аптек. скл. Тел. 262—37.

Поразительный Быстрочетъ.
 Умноженіе многозначн. чиселъ, не треб. начертанія рядовъ цифръ, кромѣ въ слѣд. примѣрѣ:
96731244 × 826123 = 79911905487012.
 Проверка моментально. Съ самоучител. всѣхъ дѣйств. прост. и десятичн. дробныхъ, вычисл. квадрат. площадей и объемовъ тѣлъ, извлеч. корней и пр., съ таблиц. прост. и сложн. процент. и др. полез. свѣдѣніями. Цѣна 80 к. или съ черес. 1 р., налог. плат. 10 к. до-роже. Р. Г. Эйхвальдъ, Сред. Подъячская б. С.-Петербургъ.

ПОЧЕМУ
 до сихъ поръ не устраивались **НА ДАЧАХЪ** и вообще въ мѣстахъ не канализированныхъ **ВАТЕРКЛОЗЕТЫ?**
 Потому что не всѣхъ еще извѣстна **БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЧИСТКА** домовыхъ фекальныхъ и сточныхъ водъ.
фирма БОДО ЭГЕСТОРФЪ, С.-Петербургъ,
 Большая Зеленина, 33, — телеф. № 207—99.
 Устанавливаетъ биологическія приборы по общедоступн. цѣнамъ. Требуется БЕЗПЛАТНО каталоги и проспекты лит. 0.

МАКИНТОШЪ
 Тел. 18-77. Казанская ул., 3, уголъ Невскаго, не доходя собора. Большой выборъ резины выхъ и другихъ игрушекъ и различныхъ подарковъ для взрослыхъ.

„Лучше друти!—и дороже!“ — ? — да, а попробуйте раз Трикотажа
„Шведо-Вяз--“
 на заказ какъ раз — для Вас!
 Основано 1903 г.
 1) Офицерская, 6, 2) Б. Гребенская, 3

„КОТЪ-ДОРЪ“ игри- стый, **ВЫДЕРЖАННЫЯ ВІНА** ЦѢЛЕБН. ВІНОГР. — **СОКЪ** садовъ Г. И. Кристи. СІБ., Надеждивская, 1. Скл. «Босарабія». Тел. 91—59.

Переведенный на Морскую, 11
 художественный магазинъ **І. ДАЦИАРЪ**
 предлагаетъ для подарковъ — Рождеству и Новому Году: — картины извѣстныхъ русск. и иностранныкъ. Акварели, гравюры и другія печатныя произведенія. Разныя фотографическія снимки. Всевозможныя рамы, готыи и на заказъ. Скульптурныя произведенія изъ мрамора и бронзы. Бронзовыя, фарфоровыя и терракотовыя вѣш. 4. Русскія и старинныя ивѣлія изъ наполь-маше и дерева. Изящная почтовая бумага въ корбкахъ. Альбомы, бювары, блокноты и разны изъ кожи. Громады выборъ открытыхъ писемъ. Всевозможныя художественныя принадлежности.